

КОД ДАНТЕ · КНИГА I

ИНФЕРНО. КОД

АЛЕКСАНДР ЖАРКОВ

УЛЬЯНОВСК · 2026

18+

Александр Жарков

Инферно. Код

«Автор»
2026

Жарков А. В.

Инферно. Код / А. В. Жарков — «Автор», 2026

За трое суток филолог Артём Верещагин теряет работу, жену и мать. В родном Ульяновске он начинает замечать знакомый порядок: врата, круги, проводника, номера песен. Случайности складываются в «Божественную комедию» — или он сам превращает жизнь в схему, чтобы не чувствовать боли.Бывший научный руководитель предлагает Артёму работу над комментарием к Данте. Но чем точнее герой расшифровывает город, тем хуже видит людей. Скоро схема потребует поступка, который нельзя оправдать ни поэмой, ни болезнью.Роман о вине, высокомерии и цене попытки разгадать собственную жизнь.

© Жарков А. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Описание рукописи 5
Часть А. Воронка 8
Глава 1. Тёмный лес 8
Глава 2. Три зверя 14
Глава 3. Звонок Вергилия 21
Глава 4. Врата 28
Глава 5. Нейтральные 35
Глава 6. Лимб за турникетом 42
Глава 7. Франческа 49
Глава 8. Дождь в студии 56
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Александр Жарков
Инферно. Код

Пролог. Описание рукописи

18 июня 2026 года. Ульяновск.

Настоящее описание составлено при передаче комплекта рукописных и машинописных материалов, временно обозначенного «Код Данте». Название встречалось на двух листах разного формата и в имени одного электронного файла. Свидетельств, позволяющих считать его авторским заглавием, не представлено.

В комплект входили девять тетрадей общего назначения, четыре школьные тетради в клетку, две тетради со съёмным блоком, сто двенадцать отдельных листов формата А4, сорок семь листов меньшего формата, кассовые и транспортные квитанции с записями на обороте, а также три распечатки со служебными отметками. Часть листов была скреплена, часть вклеена между страницами. Следы клея обнаружены на тетрадях второго и третьего хронологических блоков. Подклейки выполнены разными материалами, в том числе прозрачной лентой, впоследствии пожелтевшей.

На двадцати шести листах имелись разводы от воды. В семи случаях вода затронула текст, однако полная утрата читаемости зафиксирована только на двух оборотных сторонах. Отдельные страницы деформированы после высыхания. При описании предпринята попытка выров-

нивания без химической обработки. Нечитаемые участки обозначены лакунами; предположительные восстановления в основной текст не внесены.

Установлены три основных вида записей: выполненные синими шариковыми чернилами, чёрными гелевыми чернилами и серо-чёрным карандашом. Синими чернилами выполнена значительная часть первого блока и многочисленные позднейшие исправления. Чёрные чернила преобладали в листах, относившихся к последнему году внутренней хронологии. Карандашом преимущественно обозначены номера страниц, вопросительные знаки, вертикальные линии на полях и отдельные слова, повторённые поверх ранее написанного. Различие инструментов само по себе не позволяло датировать записи.

Нумерация листов восстановлена условно. В исходном состоянии совпадали номера разных тетрадей, встречались пропуски и повторы. Три листа были помечены как первые. Два из них содержали дату 14 апреля 2026 года, третий — отметку времени 00:35 без указания года. Последний принят за начальный на основании внутренних перекрёстных ссылок и совпадения описанных обстоятельств с последующей записью. Это решение было редакторским.

Сведения о поступлении комплекта противоречивы. По первой версии, материалы были изъяты при обыске и возвращены без установленного порядка страниц. Ссылались на опись, номер которой при передаче назван не был. Проверить заявление по представленным бумагам не удалось: среди них отсутствовали заверенная копия протокола, отметки о временном хранении и документ о возврате.

По второй версии, рукопись передали в издательство вместе с письмом, содержавшим просьбу не исправлять порядок глав. Конверт и сопроводительное письмо к моменту описания отсутствовали. Электронное письмо с аналогичной просьбой упоминалось двумя участниками передачи, однако его дата, адрес отправителя и полный заголовок оставались неустановленными. Доказательств принятия рукописи к публикации не имелось.

По третьей версии, часть тетрадей нашли в помещении хосписа среди вещей, предназначенных для передачи волонтёру. Вещевой список не сохранился. Оставшиеся листы будто бы добавлены позже из другого места. Эта версия объясняла разницу в состоянии бумаги, но противоречила заявлению о едином пакете, поступившем для описания.

Все три сообщения внесены в протокол без предпочтения. Выбор одной из версий потребовал бы приписать остальным заявлениям намеренную ложь либо ошибку. Оснований для такого вывода не представлено. Происхождение комплекта оставлено неподтверждённым.

Внутри материалов обнаружены записи различного характера. Медицинские формулировки выполнены мелким ровным почерком и содержали сокращения, не расшифрованные составителем. Юридические заметки отличались последовательной нумерацией обстоятельств и повторяющимися ссылками на даты. Литературные комментарии включали цитаты, зачёркивания и полемические указания на полях. Часть записей предположительно принадлежала разным лицам. Сопоставление почерков с целью установления личности не проводилось.

Указанные записи размещены между главами и на оборотах листов основного текста. Они не образовывали единого объяснения событий. Медицинская формулировка не подтверждала и не исключала литературную интерпретацию. Процессуальная дата не устанавливала мотив поступка. Цитата, внесённая на полях, не доказывала осведомлённость лица, о котором говорилось рядом. При передаче сохранено их раздельное существование.

Первый лист выполнен на бумаге с узкими полями. В верхнем правом углу проставлено «00:35». Ниже в трёх неполных абзацах описана улица Ленина ночью: влажная проезжая часть, свет витрины, отражение в стекле, проезд автомобиля скорой помощи. Слова, позволявшие установить направление движения, на сохранившейся части отсутствовали. Повреждение правого края листа затрагивало окончания двух строк. Сведения о лицах, находившихся в автомобиле, отсутствовали.

На том же листе сообщён возраст повествователя — тридцать пять лет. Дата рождения вынесена на отдельный вкладыш и совпадала с более поздним указанием в служебной распечатке. Число тридцать четыре встречалось в рукописи в иных контекстах: при счёте листов, в номере талона, в рабочих пометках. Эти повторы зафиксированы как текстовый факт. На их основании не производились ни атрибуция, ни установление особой системы нумерации.

Внутренние даты охватывали период с апреля 2024 года по апрель 2026 года. Последней определённо прочитанной датой основного текста являлось 14 апреля 2026 года. Запись от 18 июня того же года обнаружена только на листе описания, почерк которого отличался от почерка большей части рукописи. Имя составителя публикации не установлено. Отсутствие подписи не рассматривалось как указание на анонимность автора основного текста.

В рукописи сохранены несогласованные даты воспоминаний, повторные рассказы об одном событии, изменённые имена и противоречащие друг другу оценки поступков. Исправления, менявшие фактические сведения, отмечались в передаточном экземпляре отдельно. Редакторское устранение противоречий не производилось. Слова, утраченные вследствие разрыва, затирания или действия воды, не реконструировались по смыслу.

На левом поле первого листа имелась одиночная запись карандашом. Первая буква читалась как «В» либо как соединение двух вертикальных штрихов. Средняя часть повреждена сгибом. Запись внешне походила на слово «Вергилий», однако такое чтение не подтверждено. Оно включено в описание только как предположение первого осмотра и в заглавие основного текста не вынесено.

Последним пунктом передаточного протокола зафиксировано следующее: основной текст передавался с первого сохранившегося листа, с отметки «00:35», в условно восстановленной последовательности. Лакуны, исправления, несовпадающие свидетельства и неустановленное происхождение сохранялись без разрешения. Описание считалось техническим сопровождением материала и не служило заключением о достоверности событий.

Часть А. Воронка

Глава 1. Тёмный лес

11 апреля 2024 года, Ульяновск

В 17:32 на экране высвечивается больничный номер. Я успеваю закончить предложение о средневековой разметке рукописи и только потом снимаю трубку. Предложение остаётся без точки.

— Артём Ильич? Это по поводу Нины Павловны. Ей сегодня хуже. Она просила вас предупредить.

Женщина говорит ровно. За её голосом кто-то дважды вызывает лифт.

— Насколько хуже?

— Врач вечером будет у неё. Вам лучше уточнить у него. Вы приедете?

Я смотрю на рабочий календарь. Завтра в девять встреча, к вечеру сдача блока, Алиса обещала вернуться поздно. Возле календаря лежит список матери, написанный на обороте квитанции за воду. Три лекарства, одно подчёркнуто.

— В ближайшие дни. Я сейчас куплю то, что она просила.

В трубке возникает шорох. Потом слышен её голос, уже ближе, слабее:

— Ты опять составляешь список?

— Мам, я здесь. С тобой разговаривали из больницы.

— А я думала, ты уже вышел. Лекарство у меня есть на вечер. Ты сам приезжай. Без пакета можно.

— Я приеду. Просто сегодня…

Она ждёт. Я не нахожу конца фразы, который не звучал бы как отказ.

— Сегодня куплю. Завтра или послезавтра привезу. Ты поешь?

— Поешь, — передразнивает она без злости. — Съела. Тебя тут котлетами не накормят. Приезжай голодным, дома суп.

Она ещё говорит про ложку, синее полотенце и какой-то маленький тюбик. Я записываю на полях списка: «суп», хотя зачем — непонятно. Разговор кончается обещанием позвонить после ужина.

На работе я задерживаюсь до шести. Письмо о встрече уже лежит в почте, но я открываю только тему: «Обязательно. Изменение структуры проекта». Нажимаю «отметить непрочитанным». Так письмо снова становится событием будущего.

Выхожу с квитанцией в кармане. Аптека через сквер, семь минут, если идти привычно. Ветер с реки гонит под ноги мокрые листья прошлого года. На ветру держатся объявления о работах. Красная лента перегораживает центральную дорожку.

Я обхожу её справа.

. . .

Первый пень свежий, почти жёлтый. Вокруг него влажные опилки прилипли к асфальту. Через десять шагов второй. Ещё через пятнадцать — ограждение, которого утром не было.

Рабочие ушли. Катушка с проводом стоит посреди дорожки. Два человека в оранжевых жилетах закрывают кузов грузовика за бетонным забором. Я сворачиваю к липам и упираюсь в сетку.

На сетке листок: «Благоустройство. Используйте временный проход». Ниже стрелка. Я читаю первые три слова, затем снова первые три. Буквы есть, порядок есть, направление стрелки исчезает, стоит посмотреть в сторону.

Возвращаюсь к пню. Жёлтая сердцевина, тёмный разлом сбоку. Считаю годовые кольца и сбиваюсь на двадцать шестом.

Пульс отдаёт в кончиках пальцев. Руки холодные, хотя перчатки в кармане. Я надеваю одну, вторую роняю. Поднимать её приходится медленно, потому что при наклоне к горлу подступает воздух, которому не хватает места.

Сто двадцать шагов до улицы. Я знаю это точно. Делаю сто двадцать и снова вижу пень с разломом.

— Вам туда? — спрашивают сзади.

Женщина держит поводок одной рукой, в другой у неё телефон с включённым фонариком. Собака садится на мою перчатку. Маленькая, лохматая, с совершенно спокойной мордой.

— Туда, — говорю я и показываю сразу в две стороны.

— А конкретнее?

— Аптека. Я шёл к аптеке.

Она смотрит на аптеку через дорогу. Зелёный крест виден между ветками.

— Ну так идите.

— Здесь странное место. Я только что был у этого пня.

— И я каждый день здесь бываю. Ограждение переставили, потому что кто-то ночью в лужу ушёл. Вчера объезд был слева, сегодня справа. Гениально, правда?

Она тянет собаку с перчатки. Перчатка остаётся под лапой.

— Мне нужно выйти.

— Марина, — представляется она и кивает на собаку. — А это Тайга. Она на всё чужое садится. Поднимите перчатку, сама не уйдёт.

Я поднимаю перчатку. На ладони остаётся мокрый след.

Марина идёт вдоль сетки. У мусорного контейнера она останавливается.

— Вот их чудо-проход. Два человека еле разойдутся. У меня мать с ходунками, я её сюда теперь не приведу. Пиши жалобу, не пиши — всё равно сначала срубят.

Проход оказывается между контейнером и забором. В нём лужа. Марина переносит собаку, сама становится на кирпич, протягивает мне свободную руку. Я отказываюсь, наступаю рядом с кирпичом и промачиваю ботинок.

— Спасибо.

— Телефон вам в руки зачем? — спрашивает она. — Карту включили бы.

На экране действительно открыта карта. Синяя точка дрожит на одном месте. Я не помню, когда успел её открыть.

— Да. Не сообразил.

— Бывает. Только домой идите, вы белый весь. Аптека никуда не денется.

Она уходит к временному тротуару, ворча на ограждение. Я стою на противоположной стороне улицы. До аптеки теперь надо вернуться через переход.

Я смотрю на время: 18:47. Вспоминаю слова матери про синее полотенце. Нахожу её номер в контактах, но не нажимаю вызов. Звонок займёт минуту, разговор — дольше, а я всё ещё стою посреди ветра с пустыми руками.

Иду домой. Мне кажется, это кратчайший способ взять себя в руки.

. . .

В квартире пахнет утренним кофе. На столе раскрытый Данте, оставленный мной ночью. Верхняя страница приподнимается от сквозняка. Я закрываю форточку и только тогда замечаю, что аптека осталась за спиной в буквальном смысле: я прошёл мимо неё дважды.

Снимаю мокрый ботинок. Носок на правой ноге тёмный. Ставлю его на батарею и сажусь за стол в одном ботинке.

Доставка находит два препарата из трёх. Подчёркнутого нет в ближайшем филиале, есть в Новом городе. Стоимость дороже, доставка через сорок минут. На карте остаётся сумма, которую лучше не трогать до зарплаты. Я переключаю способ оплаты на кредитную карту. Приложение напоминает о платеже. Закрываю напоминание.

В комментарии к заказу пишу: «Позвонить, не стучать». Потом добавляю номер больничной палаты, будто курьер повезёт лекарство прямо туда. Через минуту стираю его. Адрес доставки — мой дом.

Открываю рабочее письмо. Встреча назначена на девять утра, явка обязательна, присутствие руководителей направлений подтвердить до восьми. В общем чате Кирилл уже написал: «Маленькая оптимизация перед большим взлётом. Кофе за мной, если кто-то переживёт повестку».

Под его сообщением шесть реакций. Две улыбки, пламя, поднятый палец. Лидия Бруновна молчит.

Я звоню ей. Длинные гудки. Затем: «Абонент временно недоступен».

Курьер стучит в дверь, хотя просил не стучать. Я открываю слишком быстро, он вздрагивает. Пакет передаёт двумя пальцами, проверяет код.

— Там один препарат с температурным режимом, — говорит он. — Сразу в холодильник.

— Его везти в больницу можно?

— Инструкция внутри. Я не фармацевт.

Он устало поправляет капюшон и уходит. Я кладу пакет на стол рядом с Данте. Один препарат убираю в холодильник. Другие выстраиваю по порядку из списка.

На квитанции, где мать писала лекарства, есть ещё строка, которую я раньше не читал: «сметана, если будешь». Почерк у неё мелкий, наклон вправо. Слово «будешь» расписано тщательнее остальных.

Я беру телефон. Входящее от Кирилла перебивает действие.

— Ты видел повестку? — спрашивает он.

— Видел письмо.

— Не драматизируй. Может, просто роли поменяют.

— Почему тогда обязательное присутствие?

— Потому что Фаринатов любит, когда зал полный. Слушай, ты завтра выступишь спокойно, если спросят. У тебя это хорошо получается. Назовёшь цифры, период, вклад.

— Какие цифры?

— Любые правильные.

Он смеётся. Я тоже издаю похожий звук, но разговор мне нужен уже для другого.

— Кирилл, там список есть?

— Какой?

— Во вложении.

Пауза длится чуть дольше, чем требует проверка почты.

— Не открывал ещё. До завтра, ладно?

После его звонка я не возвращаюсь к матери. Разворачиваю на столе городскую схему из объявления о благоустройстве. Она мелкая, но пни можно перенести условными знаками. Ставлю крест там, где первая остановка, второй у временного прохода, третий возле перехода. Линии получаются лишними. Я перечёркиваю их и начинаю заново.

Слева лежит раскрытый Данте. Мой взгляд цепляется за знакомый тёмный лес. У тридцать четвёртой строки стоит карандашная черта, а рядом когда-то студентом я написал: «потеря дороги начинается до леса». Теперь добавляю дату.

Ветер бьёт оконной рамой. В лужах у подъезда отражается рекламный экран через дорогу. Отсюда видна только его нижняя полоса, белые буквы распадаются на короткие дрожащие знаки.

В 20:16 я всё-таки звоню в больницу.

— Пациентка спит, — отвечает дежурная после проверки. — Не будите её. Если что-то срочное, утром уточните у врача.

— Она просила меня приехать.

— Сегодня?

— Вообще.

На другом конце молчат ровно столько, чтобы я услышал неудобство собственного ответа.

— Приезжайте в часы посещения, — говорит женщина. — Сейчас она спит.

Я благодарю и кладу трубку. Завтра девять утра — встреча, после неё можно успеть к врачу. В субботу я останусь у матери дольше. Воскресенье тоже свободно. Возможности выстраиваются аккуратно, если не думать о слове «хуже».

После звонка открываю блокнот. Рисую три колонки: «сквер», «три препятствия», «врата». В первой записываю пни, сетку, лужу. Во второй — работу, болезнь, долг. Третью оставляю пустой.

Алиса ещё не вернулась. На её половине шкафа дверца открыта, сумка стоит на полу у зеркала. Я решаю, что она собрала вещи для ночной смены, и закрываю дверцу.

. . .

На кухне остывает кастрюля. Алиса оставила гречку, накрытую тарелкой, и записку: «Поешь до того, как сядешь». Я читаю её дважды. Почерк у Алисы округлый, почти школьный, когда она торопится. В слове «поешь» буква «е» похожа на «и». Мне хочется поправить записку на полях. Вместо этого ставлю кастрюлю на плиту.

Пока еда греется, открываю банковское приложение. Кредитная карта, открытая два года назад ради ремонта, требует очередного платежа. Тогда мы собирались заменить окна и проводку. Окна заменили, проводку перенесли, ремонт остановился у коробки с розетками за

шкафом. Премия, после которой я обещал закрыть остаток, дважды переносилась. Теперь на экране сумма кажется прикреплённой к моему имени отдельной строкой.

Перевожу небольшую часть. Остаток на дебетовой карте уменьшается. Считаю, сколько нужно до зарплаты: проезд, еда, лекарства матери, коммунальные. Получается прожить, если не покупать ничего незапланированного. Пакет из доставки уже стоит на столе.

Звоню в аптеку и спрашиваю, можно ли оформить ещё одну доставку в больницу на завтра.

— Можно, — отвечает фармацевт. — Но получателю надо будет назвать код. Кто примет?

— Пациентка.

— Она сможет выйти?

— Не знаю.

— Тогда лучше договоритесь с кем-то из персонала. Курьер по этажам не ищет, у него ограниченное время.

Я представляю мать в больничной куртке у входа, с телефоном в руке, ожидающую курьера, который не может подняться. Говорю, что перезвоню.

Гречка начинает пригорать. Снимаю кастрюлю, соскребаю со дна коричневый слой. Съедаю порцию стоя. От горячего во рту становится больно, и это почти помогает: у боли появляется понятное место.

На экране всплывает уведомление банка. Я смахиваю его в журнал, среди сообщений магазинов, но время успеваю заметить: 20:41. Переписываю его на поля квитанции, сам не понимая зачем.

Потом открываю пустой документ и пишу маме: «Приеду завтра после работы». Смотрю на обещание. Утром встреча, после неё неизвестно что. Меняю на «Приеду в выходные». Это звучит надёжнее и гораздо хуже. Стираю всё сообщение.

В шкафу нахожу термос, который мать дала мне ещё до свадьбы. Он зелёный, с вмятиной на крышке. Однажды я сказал ей, что взрослый человек может купить кофе по дороге. Она ответила, что может, конечно, только зачем платить за бумажный стакан, если дома есть нормальная крышка. Спор продолжался неделю и закончился тем, что термос остался у меня.

Мою его, ставлю сушиться. Можно завтра отвезти ей суп. Но суп у неё есть, она сама сказала. Можно приехать с пустым термосом. Эта мысль кажется нелепой, и я убираю его на полку.

Звонок в больницу не повторяю. Мне сказали: спит. Это удобная формула. В ней нет ни моего опоздания, ни её ожидания. Только сон, который нельзя нарушать.

Сажусь к рабочему столу и открываю старое резюме. Последний раз я редактировал его в двадцать втором году, когда Лидия Бруновна позвала меня в «Лествицу». В графе достижений до сих пор указана незащищённая диссертация как «исследовательский проект». Формулировка юридически честная и внутренне смешная. Меняю её на «подготовка научного комментария». Сохраняю под новым именем.

Лидии пишу: «Увидел встречу. Ты в курсе?» Сообщение остаётся с одной отметкой. Вспоминаю, что она просила не называть её «ты» в рабочей переписке, если читают другие. Исправлять уже нельзя. Добавляю: «Лидия Бруновна, если будет минута, позвоните, пожалуйста». Получается два человека говорят из одного телефона.

Кирилл присылает фотографию пустого кофейного автомата и подпись: «Первый признак перемен». Я отвечаю смайликом. Палец зависает над вопросом о списке, но я уже спрашивал. Повторный вопрос выглядел бы как страх.

В комнате скрипит половица у окна. Этот звук я обычно не слышу за клавиатурой. Сейчас слышу каждый: холодильник останавливается, труба отдаёт воду за стеной, машина проезжает по луже. Я проверяю телефон без уведомлений. На экране 20:53.

Нахожу в контактах такси. До больницы ехать недолго, часы посещения, возможно, уже кончились, но можно передать пакет. Открываю адрес, затем закрываю. Медсестра сказала приезжать в часы посещения. Мать спит. Дорога ничего не изменит, а завтра я буду ещё более разбитым.

Я записываю на завтра три дела: «встреча», «больница», «мама». Второе и третье получаются одним делом. Обвожу их вместе. Потом выношу больницу на первое место, но утренняя девятка остаётся в телефоне с будильником на семь.

Из холодильника достаю пакет с препаратом, чтобы переложить его в дорожный. Читаю инструкцию про температуру и возвращаю обратно. Остальные лекарства заворачиваю в квитанцию матери. Получается неаккуратный свёрток. Перевязываю его аптечной резинкой.

На столе рядом лежит листок со схемой благоустройства. С сетки я его не снимал: распечатал ещё неделю назад, когда собирался пожаловаться на шум. Объявление осталось на ограждении. Зачёркиваю в блокноте «снял с ограждения» и пишу «домашняя копия». Эта поправка занимает меня сильнее таблицы в рабочем письме: здесь хотя бы ясно, что исправить.

Пытаюсь читать. Строка о лесе, покрытом мраком, уводит меня к жёлтой сердцевине пня. Я откладываю книгу. Открываю её снова на другой песни, но глаза возвращаются к закладке.

В блокноте рядом с таблицей появляется короткое: «середина». Мне тридцать пять, до тридцати шести остаётся меньше полугода. Число обычное, день рождения в сентябре, никакой связи с апрельским сквером. Я всё равно подчёркиваю запись.

Затем набираю сообщение Алисе: «Ты скоро?» Она не отвечает. На её сумке у зеркала висит новая тканевая бирка. Я хочу рассмотреть её, но в этот момент телефон оживает. Это почта.

В почте снова появляется значок непрочитанного. Вложение к утренней встрече обновлено. Файл называется «список_должностей_12-04».

Я скачиваю его. Таблица открывается долго, телефон предлагает выбрать приложение. В третьей строке стоит моя фамилия. Напротив — «разметка корпуса, штатная единица». В последней колонке напечатано: «к исключению».

Я проверяю имя файла ещё раз. Оно не меняется.

Глава 2. Три зверя

11 апреля 2024 года, Ульяновск

В 21:43 я снова надеваю мокрый ботинок. В доставленном аптечном пакете нет маленького тюбика, который мать назвала в самом конце разговора. Я вспоминаю это, глядя на собственную таблицу: «врата» — пустая графа, «мама» — перенесено на завтра.

Таблица в почте остаётся открытой на телефоне. Моя фамилия стоит в третьей строке. Я блокирую экран, но строка продолжает существовать с закрытыми глазами, белая на тёмном.

Внизу у подъезда ветер тянет полы куртки. Я перехожу дорогу к торговому центру. Там аптека работает до десяти, до закрытия меньше двадцати минут. Можно купить тюбик, вернуться, лечь и утром узнать, что означает последняя колонка файла.

На билборде у остановки появляется рысь. Глянцевая, золотистая, она сидит на подлокотнике белого дивана. Рядом улыбается мужчина в трикотажном пиджаке. Сверху обещание: «Новая жизнь по вашему первому требованию». Ниже название кредитного сервиса и мелкая строка условий.

Мужчина на рекламе смотрит так, словно уже погасил все долги, включая чужие. Рысь смотрит в другую сторону. Изображение меняется, но на секунду задерживается из-за сбоя, и золотистая шерсть начинает мерцать.

Под билбордом приклеено бумажное объявление: «Требуется сотрудник на выдачу заказов. Гибкий график. Опыт не обязателен». Кто-то вырвал нижнюю полоску с телефоном, остались три другие. Я раздражённо думаю, что слово «сотрудник» теперь означает любого, кому не обещают должность.

Достаю блокнот и записываю время: 21:47. Под записью: «рысь». Это приходит само, быстрее раздражения на собственную глупость. Я зачёркиваю слово, потом вывожу его снова рядом.

— Вам плохо?

Мужчина в оранжевом жилете пункта выдачи стоит за моей спиной с пачкой наклеек. Я не замечаю, как он подошёл.

— Нет. Почему?

— Вы на объявление смотрите так, будто оно вам лично написало.

— Оно безграмотно написано.

Он вчитывается.

— Где?

Я не могу найти ошибку. «Сотрудник», «график», «опыт» — всё на месте. Раздражение повисает без опоры.

— «Опыт не обязателен» — это не приглашение, а способ заранее снизить оплату, — говорю я.

Мужчина кивает серьёзно.

— Это да. За наличные меньше дают. Но племянник у меня там работает, нормально пока.

Он отрывает одну из оставшихся полосок и протягивает мне. Я беру, чтобы не объяснять. В кармане квитанция матери, телефон кредитной карты, теперь ещё и вакансия. Бумажный набор человека, который вышел за лекарством.

. . .

В торговом центре свет белый и ровный. Витрины уже закрывают жалюзи. У главного входа моют пол, жёлтая табличка стоит прямо на сухом участке. Я обхожу её и чуть не сталкиваюсь с тележкой.

Аптека находится в конце галереи. Когда до двери остаётся десять метров, охранник опускает прозрачную штору. На часах 21:58.

— Стоп. Всё.

— На табло десять.

— Сейчас без двух.

— Мне одно лекарство. Полминуты.

Охранник молодой, с красными глазами и значком «Тимур». Он держит штору обеими руками. За стеклом фармацевт складывает коробки в ящик.

— Касса закрыта, — говорит Тимур.

— Касса не может закрыться раньше режима работы.

— Может. Вот закрылась.

— Тогда напишите, что работаете до 21:58.

Он смотрит на меня внимательнее. Я знаю этот взгляд по людям, которым читают лекции о правилах: человек решает, стоит ли спорить или подождать, пока собеседник устанет сам.

— Мужчина, я тут с восьми утра. Давайте без лекции.

— Мне нужно лекарство матери.

Тимур чуть ослабляет руку. Штора останавливается.

— Рецепт?

— Без рецепта.

Он кивает на дверь, но фармацевт за стеклом уже машет рукой: всё, кассовый день закрыт. Я показываю ей список, будто квитанция за воду имеет силу рецепта.

— Вам куда спешить? — спрашивает Тимур.

— В больницу.

— Сейчас?

Я молчу. Сейчас — нет. Завтра после встречи. Возможно, в выходные. Правильный ответ занимает слишком много времени.

К нам подходит женщина с мальчиком лет десяти. Мальчик держит на ладони два крышечных вкладыша от игрушек и пересчитывает их.

— Через дорогу круглосуточная, — говорит женщина. — Мы оттуда. У них вход не со стороны фонтана, а с торца. Здесь вы через стекло смотрите, там просто звонок нажмите, если дверь тяжёлая.

— Спасибо.

Она уже идёт дальше, но мальчик оборачивается.

— Там ещё собака за дверью живёт. Не настоящая.

Я не понимаю и не спрашиваю.

Тимур поднимает штору обратно на несколько сантиметров, чтобы пропустить из аптеки сотрудницу. Потом внезапно вешает ключ на пояс.

— Идёмте, покажу короткий выход. А то вы через фонтан пойдёте.

— Я найду.

— Я всё равно проверяю двери.

Он говорит это громко, для коллеги у витрины. Мы проходим служебным коридором мимо складских дверей. Пахнет картоном и хлоркой. Тимур идёт быстро, у стены замедляется, ждёт меня.

— Мать в какой больнице?

— На Радищева.

— Там ночью не пустят.

— Я знаю.

Он не продолжает. У выхода достаёт из кармана мятную конфету, разворачивает, комкает фантик.

— Сами-то домой потом?

— Да.

— Ну идите. Через дорогу белая дверь. Красная — это сервис, туда не надо.

Он открывает тяжёлую дверь и придерживает её плечом. Ветер влетает в коридор. Я хочу сказать, что он зря бросил пост, но он уже возвращается к галерее.

В блокноте позже я запишу: «лев». Сейчас передо мной уставший человек с конфетой и двумя ключами на поясе. Он ничего не преграждает. Наоборот, тратит минуту, чтобы я не потерял ещё десять.

. . .

У круглосуточной аптеки действительно две двери. За стеклом белой сидит пластиковая такса с поднятой лапой. Настоящей собаки нет. Я нажимаю звонок, хотя дверь открыта.

Внутри тепло. Фармацевт находит тюбик по фотографии старого, которую мать когда-то прислала Алисе, а Алиса переслала мне. Пока она идёт между стеллажами, телефон вибрирует.

«Просроченный платёж. Сумма к оплате… Дата последнего уведомления…»

Я открываю сообщение полностью. Долг получает размер, дату и процент. В нём больше нет ремонта, двух новых окон и обещания закрыть всё после премии. Только сумма, которая увеличивается, пока я стою под лампой.

На звонок отвечает оператор кредитной службы. Голос вежливый, ускоренный.

— Я видел уведомление. Можно изменить дату?

— Проверю ваши условия. Назовите кодовое слово.

Я не помню кодовое слово. Вспоминаю девичью фамилию матери, любимый фильм, имя первого питомца. Ни одного ответа, который я выбирал два года назад.

— Могу подтвердить паспортом в офисе?

— Можно, но сейчас предлагаю пройти упрощённую проверку.

Он задаёт вопросы. Номер карты, последние операции, примерный остаток. Я отвечаю тихо, отвернувшись к полке с ватой. Фармацевт кладёт тюбик у кассы и делает вид, что занята чековой лентой.

— По вашему договору доступна реструктуризация, — сообщает оператор. — Также вы можете рассмотреть дополнительный лимит для закрытия текущей задолженности.

На билборде рысь обещала новую жизнь по первому требованию. Здесь новая жизнь называется дополнительным лимитом.

— Нет. Только дату.

— Фиксирую отказ от предложения. Заявку на перенос сформируем, решение поступит сообщением.

— Когда?

— В течение срока, указанного в условиях.

Я прошу назвать срок. Он называет. Записываю его на обороте чека.

После оплаты на карте остаётся ещё меньше. Я кладу тюбик в карман куртки, чтобы не нести второй пакет. Фармацевт протягивает мне пакет всё равно.

— Возьмите, дождь начинается. Промокнет коробка.

Её забота проста и почему-то злит. Я благодарю слишком сухо. Она не обижается, печатает чек для следующего покупателя.

На улице действительно накрапывает. Через дорогу виден выход, из которого меня выпустил Тимур. Прямой путь перегорожен строительным забором, приходится идти к светофору. Я считаю шаги, но останавливаюсь на сороковом: сегодняшний счёт уже привёл меня к пню.

Кирилл присылает ссылку без комментария. Заголовок страницы обещает прогнозы на спорт и быстрый вывод. Следом он пишет: «Не как план жизни, а как способ закрыть мелкий долг. У меня схема на три матча».

Я набираю: «У тебя всегда схема».

— Именно, — отвечает он голосовым. — Ты мне лучше скажи, какая сумма тебя придавила. Может, я просто одолжу. Без этики и процентов.

Он смеётся, за ним слышен телевизор. Я представляю его квартиру, стол с двумя мониторами, бокал рядом с ноутбуком. У Кирилла всегда есть человек, который одолжит, встреча, где нальют, проект, который вот-вот начнётся.

— Не надо.

— Как знаешь. Только не иди в микрозаймы, ладно? Там рысь с билборда тебя сожрёт.

Я останавливаюсь под козырьком.

— Почему рысь?

— На рекламе же рысь? Или леопард. Я не зоолог. Ты сам про неё вчера говорил, когда обсуждали ремонт.

Я не говорил про неё. Во всяком случае, не помню. Ссылка на кредитный сервис уже сохранена в браузере после звонка оператора. Добавляю её в отдельную папку «долг». Ссылку Кирилла не открываю.

— Завтра после встречи поговорим, — говорит он. — И не пиши никому резких писем ночью.

— Уже поздно для такого совета?

— Для тебя ночь начинается после двух.

Я кладу телефон в карман. Под козырьком капает с края. Три удара, пауза, снова три. Я перехожу на другое место, чтобы не считать.

. . .

Дома на часах 22:46. Ставлю новый пакет рядом с первым. Тюбик перекладываю в дорожный, коробки проверяю по списку. Всё собрано. До больницы ехать полчаса, но мать спит, врач ушёл, медсестра не примет меня с объяснениями. Решаю везти утром после встречи.

На телефоне появляется голосовое от неё. Записано в 21:19, когда я спорил у закрытой аптеки.

— Тёма, если лекарство не нашёл, не бегай. Завтра подойдёт. Ты мне просто позвони, ладно? Я не сплю пока. Скажи, как ты. У тебя голос был… Ну, в общем, позвони.

После слов «не сплю пока» она откашливается. Затем кто-то рядом спрашивает, чай тёплый или горячий. Мать отвечает: «Тёплый, я же не огонь». Смеётся собственной шутке. Запись обрывается.

Я нажимаю вызов. Телефон в палате долго не отвечает. Возможно, она уже уснула или аппарат лежит в тумбочке. После седьмого гудка сбрасываю, чтобы не разбудить соседок. Отправляю: «Всё купил. Завтра привезу. Спи».

Ответ приходит сразу: «Хорошо. Ты поел?»

Пишу: «Да». Это правда: гречка осталась в желудке тяжёлым комком.

В 23:02 щёлкает замок. Алиса входит с больничным значком на шнурке, снимает сапоги у двери. На ней тот серый шарф, который она называет рабочим, потому что его не жалко после дождя. Сумка у шкафа остаётся на месте. Алиса ставит рядом ещё одну, маленькую, с ноутбуком.

— Ты не спишь? — спрашивает она.

— Скоро.

— Я хочу поговорить о завтрашнем дне.

Я сижу за столом с блокнотом. Передо мной три слова: «рысь», «лев», пока третьего нет. Закрываю обложку.

— У меня завтра в девять обязательная встреча. Нас сокращают. Во вложении моя должность.

Алиса держит руку на дверце шкафа.

— Я видела, что ты писал. Прости. Но мне нужно поговорить не о работе.

— О чём?

Она устало проводит ладонью по лицу.

— О нас. И о том, где я буду жить после завтра.

Я смотрю на маленькую сумку.

— Ты опять на сутки?

— Нет, Артём.

Она произносит это тихо. Настолько тихо, что я не сразу понимаю ответ.

— Тогда скажи прямо.

— Я и пытаюсь. Ты можешь отойти от стола?

Отодвигаю стул, но остаюсь сидеть. Алиса достаёт из холодильника воду, наливает стакан и не пьёт.

— Ты поел? — спрашиваю я.

— Да. После смены.

— Мама прислала голосовое. Я купил лекарства, завтра отвезу.

— Хорошо.

— Если нас сокращают, надо будет пересмотреть расходы. Кредит пока есть. Я составлю таблицу на месяц.

Алиса ставит стакан на столик. Вода расплёскивается на два миллиметра, не больше.

— Ты сейчас опять говоришь о таблице?

— Ты спросила про завтра. Я отвечаю.

— Я спросила, можешь ли ты отойти от стола.

Встаю. Это получается слишком резко, стул стукается о ножку стола.

— Вот. Я стою. Что случилось?

— Сядь нормально. Я не прохожу с тобой технику безопасности.

Я сажусь на край стула. Алиса опирается о кухонный шкаф. На её рукаве осталась тонкая белая полоса от больничной накидки. Она замечает мой взгляд и стряхивает её.

— Сегодня у нас сломался аппарат во втором кабинете, — говорит она. — Полдня расписание поехало. Люди сидели в коридоре, я объясняла каждому отдельно. Одна женщина приехала из района с четырьмя пересадками. Вечером я всё равно сделала её снимок. Потом задержалась.

— Поэтому ты такая?

— Какая?

— Ну… раздражённая.

Она смотрит на стакан.

— Я рассказываю, как прошёл мой день. Ты сразу назначаешь мне состояние.

— Я просто спросил.

— Ладно. Спросил. Завтра у меня короткая смена. После неё я встречаюсь с женщиной насчёт комнаты. Хочу посмотреть жильё.

— Зачем?

Вопрос выходит до того, как я успеваю соединить её слова с сумкой у шкафа. Алиса медленно ставит воду.

— Вот об этом я и хочу говорить завтра. Не в полночь, когда у тебя в голове список сокращений.

— Если ты хочешь пожить отдельно из-за денег, это можно устроить иначе. Я попрошу отсрочку. Или Кирилл одолжит.

— Я не хочу, чтобы ты занимал у Кирилла.

— Тогда объясни.

Она проводит пальцем по краю стакана.

— Я попросила тебя о завтрашнем разговоре три дня назад. Ты сказал «конечно», и сел писать. Вчера я повторила. Ты спросил, купила ли я кофе. Сегодня я говорю четвёртый раз.

— У меня мать в больнице. Работа завтра под вопросом.

— Я знаю про маму. Я сама ей звонила вчера.

Это останавливает меня. В её голосе нет торжества, только усталость.

— Что она говорила?

— Просила не тащить тебя в больницу, если ты занят. Потом спросила, какой я люблю творог. Обычный разговор. Я обещала прийти на выходных, если отпустят.

— Почему ты мне не сказала?

— Сказала. Ты ответил: «Хорошо, передай ей». Я была на кухне, ты в комнате.

Я помню слово «творог» за дверью. Возможно, это был её разговор. Память послушно подставляет звук, но не подтверждает смысл.

— Я могу завтра вернуться к семи, — говорю я. — Если встреча не затянется. Поговорим до твоей смены.

— У меня короткая, я же сказала.

— Значит, после твоей.

— После моей я иду смотреть комнату. Приди к восьми, если хочешь говорить здесь.

— Хорошо. К восьми.

Она кивает. Договорённость появляется на несколько секунд, почти бытовая и выполнимая. Телефон на столе вибрирует от рекламного письма. Я поворачиваю экран вниз, чтобы показать, что слушаю. Алиса замечает жест, но не благодарит.

— И маме позвони утром, — добавляет она. — Не с лекарствами начинай. Спроси, как она.

— Я знаю, как разговаривать с матерью.

— Знаешь.

Она отвечает слишком быстро. Я жду продолжения, но она забирает стакан и уходит в ванную.

Из ванной слышно, как она умывается. Я остаюсь у стола, не зная, можно ли сесть. Мне хочется позвать её обратно, но уже сформулированная фраза о кредите кажется неподходящей, а другой нет.

Когда она ложится, я выключаю свет в комнате и остаюсь на кухне. Её большая сумка у шкафа раскрыта сверху. Из неё торчит рукав синего свитера. Я заправляю рукав внутрь, чтобы не висел, и закрываю молнию.

В блокноте записываю три эпизода: реклама в 21:47, закрытая аптека в 21:58, банковское сообщение в 22:17. Напротив первого — «рысь», второго — «лев», третьего — «волчица». Добавляю: «написала первой из трёх?» Порядок выходит красивый: соблазн купить статус, желание сразиться, потребность скрыться в новом долге.

Проверяю журнал уведомлений. Там банковское сообщение в 20:41, ещё до выхода. Я открыл его на кухне и смахнул. Оно старше рекламы и охранника. Если считать честно, волчица пришла первой.

Я не стираю запись. Рядом приписываю: «сбой синхронизации?» Знак вопроса оставляет возможность порядка. Время остальных двух сообщений точное, первое теперь под сомнением.

Захожу в приложение банка и проверяю историю входа. Всё обычно. Мой телефон, мой пароль, мои пальцы. Сбой синхронизации ничем не подтверждается. Я закрываю приложение и оставляю вопрос.

Алиса в комнате поворачивается. Скрипит кровать. Мне надо лечь рядом, но я переписываю таблицу начисто, теперь с точным временем из журнала. В последней строке появляется слово «выход», и я ставлю рядом адрес круглосуточной аптеки. Это выглядит почти как ответ.

В 23:40 приходит сообщение с незнакомого номера: «Илья Маркович просил передать, что он завтра позвонит».

Я читаю его вслух шёпотом. Шесть лет мы с Гнесиным не разговаривали. Номер мог сохраниться у него в старой записной книжке, номер мой не менялся. Всё объяснимо. Я всё равно смотрю на часы, потом на закрытый блокнот.

Пишу ответ: «Когда?»

Сообщение не доставлено. Через секунду телефон начинает звонить.

Глава 3. Звонок Вергилия

12 апреля 2024 года, Ульяновск

Звонок в 23:40 длится две секунды. Я успеваю сказать «алло», слышу шорох и чьё-то далёкое покашливание. Связь обрывается. Перезваниваю на незнакомый номер. Автоответчик сообщает, что абонент недоступен.

В комнате Алиса лежит лицом к стене. Она дышит слишком ровно. Когда я вхожу, её плечо под одеялом напрягается, но она не спрашивает, кто звонил.

Ложусь рядом. Телефон кладу экраном вниз. В блокноте на кухне остались три зверя, пустая графа и вопрос о синхронизации. В рабочем файле — моя фамилия. Между этими двумя списками я пытаюсь уснуть.

В 00:35 мимо дома проезжает скорая. Сначала свет полосой проходит по потолку, потом слышен двигатель. Сирена не включена. Машина останавливается где-то у следующего подъезда, минуту стоит, затем уезжает быстрее.

Я смотрю на время. 00:35. Тридцать пять лет. Мне приходит в голову середина жизни, и я почти улыбаюсь собственной готовности найти её в обычных цифрах на экране. Алиса не шевелится.

— Ты спишь? — спрашиваю я.

Пауза.

— Теперь да.

— Извини.

Она подтягивает одеяло. Больше я ничего не говорю. Через минуту встаю и закрываю за собой дверь.

На кухне включаю маленький светильник над плитой. Холодильник гудит. В пакете на столе лежат лекарства для матери, собранные к утру. Рядом Данте и распечатка списка должностей. Я переворачиваю распечатку текстом вниз.

Достаю телефон, чтобы посмотреть прогноз на дорогу до больницы. Вместо этого открываю незнакомый номер. Московский код ничего не значит, виртуальные номера выдают где угодно. Сообщение об Илье Марковиче всё ещё висит без ответа.

Пишу: «Я завтра на работе до неизвестного времени. Если можно, пусть позвонит сейчас». Отправляю и тут же стираю слово «сейчас». Сообщение уже ушло.

. . .

На верхней полке шкафа стоит коробка с университетскими бумагами. Я снимаю её, подставив стул. Внутри конспекты, распечатки, две папки с надписями «черновое» и «сдать». Папка «сдать» осталась нетронутой шесть лет. Под ней лежит моя работа по комментарию Лозинского.

На титульном листе Гнесин вывел красным: «Сначала узнайте, что переводчик сделал. Потом объясняйте, чего он не сделал».

Я помню этот разбор. Кабинет с двумя окнами, ноябрь, чай в стеклянном стакане. Илья Маркович листал мою главу и останавливался на каждой второй странице. Я ждал похвалы к самому красивому выводу. Он дождался тишины и спросил, читал ли я соответствующий фрагмент в оригинале полностью.

— Частично, — ответил я тогда.

— Это медицинский термин?

— Что?

— «Частично». Вы прочли левую половину или верхнюю?

Он был зол не потому, что я не знал. Он не выносил слов, которыми скрывают незнание.

Переворачиваю страницу. На полях его пометки сохранились лучше моих. Мои синие чернила выцвели, его карандаш остался тёмным. В одном месте он подчеркнул цитату и написал: «Неточность в ссылке. Проверить по изданию, а не по памяти».

Тогда мне казалось, он цепляется к мелочам, чтобы не признать общую правоту. Я принёс следующий вариант позже на две недели. Он вернул его с ещё большим числом поправок. Мы поссорились из-за одного примечания, затем из-за кафедрального расписания, затем из-за его фразы, что я пишу комментарий к собственному комментарию.

Диссертация осталась на столе. Я не защитил её. Сначала отложил на год, потом устроился на временную работу, потом переехал с Алисой, потом начал ремонт. В двадцать втором году Лидия Бруновна позвала меня размечать корпус. Работа была связана с текстами, зарплата приходила вовремя, и слово «медиевист» визитке почти заменяло учёную степень.

В папке лежит расписание предзащиты. Дата напечатана на принтере с полосой посередине. Я помню, как пришёл к Гнесину за неделю и сказал, что не готов. Он предложил снять две слабые главы и показать остальное.

— Это будет урезанная работа, — сказал я.

— Это будет работа.

— Вы хотите, чтобы меня провалили?

— Я хочу, чтобы вы перестали требовать от рукописи, чтобы она оправдывала вашу биографию.

Тогда эта фраза показалась мне оскорбительной. Я сложил листы, не дочитав его замечания. На пороге он спросил, принести ли мне список обязательных исправлений к понедельнику. Я ответил, что сам решу, когда приходить. Понедельник прошёл. Потом наступил другой.

Сейчас в той же папке я нахожу список, напечатанный им всё-таки. Два листа, семнадцать пунктов. Последний: «Убрать из заключения утверждение об окончательной истолкованности текста». Он сделал работу, о которой я не попросил вслух, и оставил её мне. Я даже не вскрыл файл, а бумажную копию завалил другими страницами.

Под списком обнаруживается конверт с открытками. На одной изображена городская набережная. На обороте моей рукой: «Илье Марковичу от Артёма и Алисы». Я не помню, почему открытка осталась неотправленной. Внутри короткое поздравление и фраза «обязательно приедем осенью». Осень какого года не указана. Это избавляет меня от необходимости установить, сколько раз я нарушил одно обещание.

Алиса тогда только начала работать в больнице. Она приходила в кабинет Гнесина дважды: один раз принесла мне забытый зарядный кабель, второй — пакет с едой, потому что я собирался сидеть над главой до ночи. Он потом спрашивал, почему она терпит мои разговоры о сроках. Я принимал это за шутку. Возможно, так оно и было.

Гнесину я позвонил в последний раз шесть лет назад. Хотел поздравить с днём рождения. Он начал говорить о библиографии, я о новой квартире. Разговор кончился взаимной вежливостью. Потом каждый ждал повода, который не выглядел бы признанием.

В коробке нахожу его визитную карточку без электронной почты. Домашний телефон зачёркнут, рядом выведен другой номер моей рукой. Сверяю с незнакомым входящим. Совпадают последние семь цифр.

У меня всё это время был его номер. Он лежал под папкой «сдать». Я мог позвонить без сообщения, без посредника, без ночи и скорой.

Ставлю перед собой старую работу и блокнот. В первой строке пишу: «Ошибка в цитате». Во второй: «Позвонить самому». Не уточняю, кому.

. . .

Телефон звонит в 00:47.

— Вы написали «сейчас», — говорит Гнесин вместо приветствия. — У вас всегда было странное представление о времени. Ваша цитата, кстати, снова неверна.

Он говорит медленнее, чем я помню. Голос ниже, с сухим шумом на длинных выдохах.

— Здравствуйте, Илья Маркович.

— Здравствуйте. Я о вашей третьей главе. Вы приписываете Лозинскому оговорку, которой у него нет. Это у вас оговорка. Она сохранилась?

— Я как раз смотрю.

— Смотрите вторую страницу снизу.

Нахожу. Там красным написано: «ссылка проверена?», но никакой цитаты нет.

— Не та версия, — говорю я.

— Естественно. У вас всегда была не та версия, а спорить вы начинали до проверки.

Я смеюсь. На другом конце смеяться не спешат.

— Вы звоните поправить меня после шести лет?

— Нет. Поправка бесплатное приложение. Правда, что вас сокращают?

Я смотрю на перевернутую распечатку.

— Завтра встреча. Должность в списке к исключению.

— Значит, правда.

— Откуда вы знаете?

— Общая знакомая сказала. Не надо сейчас вычислять её, я не буду называть человека, который говорил не для передачи по цепочке. Она услышала о сокращениях в вашей компании и вспомнила вас.

— Когда?

— Сегодня. Или вчера. У меня был трудный день, не приставайте к часу.

Он кашляет. Отодвигает трубку, но звук всё равно громкий. Затем глотает воду.

— Вы болеете? — спрашиваю я.

— Кашель. Уже лучше. Давайте не будем обсуждать это вместо работы.

— Вы могли позвонить днём.

— Мог. Вы тоже.

Фраза попадает точно и без повышения голоса. Я отодвигаю коробку, чтобы освободить место для локтей.

— Почему именно сегодня?

— Потому что узнал.

— Я перед этим думал о вас.

— А я о вас — после разговора со знакомой. Всё остальное мне неизвестно.

— Я достал вашу работу ещё до звонка.

— Мою работу?

— Комментарий. Наш разбор.

— Артём Ильич, не ищите симметрию там, где нужен корректор. Вам сказали о сокращении, вы вспомнили человека, который вас когда-то ругал. Нормальная память. Я позвонил, потому что мне сообщили. Два обстоятельства.

Он раздражён. Я раздражаюсь в ответ, потому что только что увидел точное совпадение, а он лишает его значения.

— Вы не знаете, что я почувствовал.

— Нет. Поэтому не буду спорить о ваших чувствах. Давайте к делу.

В трубке слышен скрип. Он поднимается с кресла медленно, останавливается на середине движения. Дышит через нос. Потом металлический стук — дверца печи.

— Вам помочь чем-то? — спрашиваю я и сразу чувствую нелепость вопроса по телефону.

— Да. Приехать.

— Когда?

— После работы в ближайшие дни. Если у вас ещё будет работа. Если не будет, у вас появится свободное время и другие оправдания.

Я улыбаюсь. Он тоже что-то бормочет, возможно, довольный собой.

— Зачем?

— Комментарий лежит в трёх папках. Две нумерованы правильно. Третья — по моей системе. Корректор, который мне помогал, отказался. У него своя работа, он не обязан спасать мою. Зрение стало хуже, мелкие ссылки я различаю с трудом. Мне нужны руки.

Он произносит последнее без трагизма. Слышно, как ставит кочергу.

— И глаза, — добавляет он.

— Вы хотите, чтобы я вернулся к работе?

— Я хочу, чтобы вы разобрали листы, Артём Ильич. Остальное обсудим после.

— У меня завтра…

— Я сказал в ближайшие дни. Сегодня уже пятница. Днём я занят. После вашей встречи сообщите, когда сможете.

Он снова кашляет. Я слушаю и записываю: «3 папки, корректор отказался, зрение». Практические слова помещаются в колонку. Рядом появляется «Вергилий» — сначала просто имя, которое он когда-то носил в моих университетских шутках.

— Вы читали объявление о сокращениях? — спрашиваю я.

— Читал неделю назад. Ваше руководство опубликовало радостную чушь об изменении структуры. Там не было фамилий, но я подумал о вас.

— И ждали?

— Ждал, пока позвоните первым.

— Почему?

— Неудобно было после шести лет. Вам, полагаю, тоже.

Я беру визитку. Края у неё мягкие.

— Я не знал, что вы ждёте.

— Я не говорил. Вы не спрашивали. Мы оба могли набрать номер и не набрали. Теперь вот разговариваем.

Он устал. Это слышно в том, что фразы стали короче. Я предлагаю закончить, но он просит записать адрес, хотя я его помню.

— Печь топлю, — говорит он. — В комнате жарко, на кухне холодно. Свитер не берите, вы вечно потеете от смущения. Принесите линейку и нормальный карандаш. Не гелевую ручку, она мажется.

— Линейку.

— И не покупайте мне торт.

— Я не собирался.

— Значит, за шесть лет появился здравый смысл.

Я открываю ящик и действительно ищу линейку. Нахожу короткую, ученическую, с отколотым концом. Кладу её на стол. Карандаш приходится вытряхнуть из стакана среди ручек.

— А что в третьей папке? — спрашиваю я.

— В основном примечания к ранним песням. И часть поздних, которую я перенёс, потому что перепутал порядок.

— Вы хотите сказать, система уже нарушена?

— Не начинайте радоваться. Там есть логика, она просто не ваша.

— Значит, придётся вас спрашивать.

— Значит, придётся слушать ответы.

Он делает паузу, и я слышу тиканье часов. У него на кухне всегда были механические часы с резким ходом. Мне знаком звук, хотя шесть лет я его не вспоминал.

— Комментарий почти готов? — спрашиваю.

— Нет. Он достаточно длинный, чтобы казаться готовым. Это другое состояние.

— Сколько осталось?

— Если спрашивать по страницам, я совру. Если по работе — несколько месяцев при нормальных глазах и человеке, который умеет проверять ссылки.

— Я умею.

— Я помню. Поэтому и позвонил.

Простое признание сбивает меня сильнее его поправок. Я провожу ногтем по краю визитки.

— А после разбора? Вы думаете об издании?

— Думаю о следующей странице. Вы опять пытаетесь получить целое, чтобы можно было не делать часть.

— Я спрашиваю о будущем рукописи.

— А я о нынешней. Не соревнуйтесь с ней.

Он говорит резко, затем выдыхает. Я понимаю, что усталость делает его нетерпеливым, но продолжаю задавать вопросы, потому что они дают мне картину будущего.

— Вы могли бы найти другого помощника, — говорю я. — Студента.

— Мог. У студентов занятия, работа, свои преподаватели. Вы знаете текст и мой почерк. Кроме того, вы должны мне одну незаконченную работу.

— Вот как.

— Не обижайтесь. Я тоже вам должен. Обещал прочесть последний вариант до конца и прочёл только три главы.

— Я думал, вы дочитали.

— Нет. После вашего ухода отложил. Решил, что вы вернётесь и спросите. Вы, наверное, ждали моего звонка.

— Ждал.

— Вот теперь позвонил.

Я смотрю на семнадцать пунктов в папке. Он не знал, что я нашёл их только сейчас.

— Прочтёте остальное?

— Сначала принесите то, что осталось. В понедельник. Сегодня никаких обещаний на год.

Он откашливается. За стуком печной дверцы слышен короткий металлический скрежет.

— Вам правда не нужно ничего привезти? — спрашиваю я. — Из аптеки, продуктов?

Молчание длится дольше, чем после литературных вопросов.

— Хлеба, — говорит он наконец. — Если будете у магазина. Обычного, без злаков. От злаков скрипит на зубах.

— Хлеб записал.

— И не делайте из этого заботу по списку. Если не будет, я сам схожу.

Я пишу «хлеб» рядом с «линейкой». Это первый пункт, за который не приходится спорить.

Мы договариваемся на понедельник после работы. Если утренняя встреча всё изменит, я позвоню. Он требует не приезжать ночью и не присылать длинных писем перед визитом.

— Вы завтра сможете? — спрашиваю я.

— Смогу что?

— Работать.

— Завтра я буду спать, есть и сердиться на телевизор. Работать будем в понедельник. Вы собираетесь спасти весь фонд за один разговор?

Я обещаю не собираться. Он вешает трубку первым.

. . .

В 01:26 на кухню выходит Алиса. На ней домашние брюки и футболка с облупившейся надписью. Она щурится от света.

— С кем ты разговаривал?

— С Гнесиным.

Она достаёт чашку, потом вспоминает, что чайник холодный, и наливает воду.

— Он сам?

— Да. Узнал о сокращениях. Просил помочь с комментарием.

— Посреди ночи?

— Я тоже не спал.

Алиса садится напротив. Смотрит на разложенные страницы.

— Ты рад?

Я собираюсь ответить шуткой, но она спрашивает серьёзно.

— Да. Он предлагает работу. Может, из этого снова получится исследование. Я сопоставлю его записи с моими, восстановлю библиографию. Если появится текст, можно вернуться в аспирантуру или хотя бы публиковаться.

— Он предложил разобрать папки?

— Это начало.

— Для него тоже?

Вопрос неприятный. Я вижу его несправедливость и всё же не могу ответить.

— Я шесть лет не звонил. Теперь он сам позвонил. Надо хотя бы приехать.

— Да. Приедь.

Она говорит это сразу, без язвы. Мне становится легче.

— В понедельник после работы.

Алиса кивает и смотрит на телефон в моей руке.

— Завтра вечером не уходи в него, ладно? У меня важный разговор. Ты обещал к восьми.

— Помню.

— Не «помню» сейчас, а потом тоже.

— Я поставлю будильник.

— Не надо будильник на меня.

Она проводит ладонью по столу, убирая с дороги мокрое кольцо от чашки.

— Что с мамой? — спрашивает.

— Лекарства собраны. После встречи позвоню, может, успею отвезти.

— Позвони ей до работы.

— Она спит в семь.

— Тогда после. Только скажи ей точно, когда приедешь.

Я киваю. Алиса встаёт, но у двери останавливается.

— Гнесин здоров?

— Кашляет. Зрение хуже. Поднимается тяжело.

— Ты спросил, нужно ли ему что-то кроме корректора?

Я вспоминаю свой нелепый вопрос «вам помочь чем-то» и его ответ.

— Спросил.

— Хорошо.

Она уходит. Мне хочется позвать её, поблагодарить за то, что она не стала спорить о понедельнике. Но разговор уже закрыт, и любое продолжение кажется способом отложить её завтрашнее «важное».

Остаюсь один с бумагами. В блокноте пишу список:

«Гнесин — комментарий — понедельник».

«Мать — приехать — после встречи / выходные».

«Работа — доказать необходимость».

Под этим добавляю: «Записывать соответствия. Восстановить научную работу». Слова занимают всю строку. В них увольнение становится дверью к прежней жизни, звонок — приглашением, болезнь Гнесина — срочным заданием. У меня снова появляется порядок действий.

В колонке с зверями ниже третьего слова пишу «Вергилий». Затем перечёркиваю и вношу его на новую страницу, где нет рекламы и долгов. Получается чистый лист с одним именем.

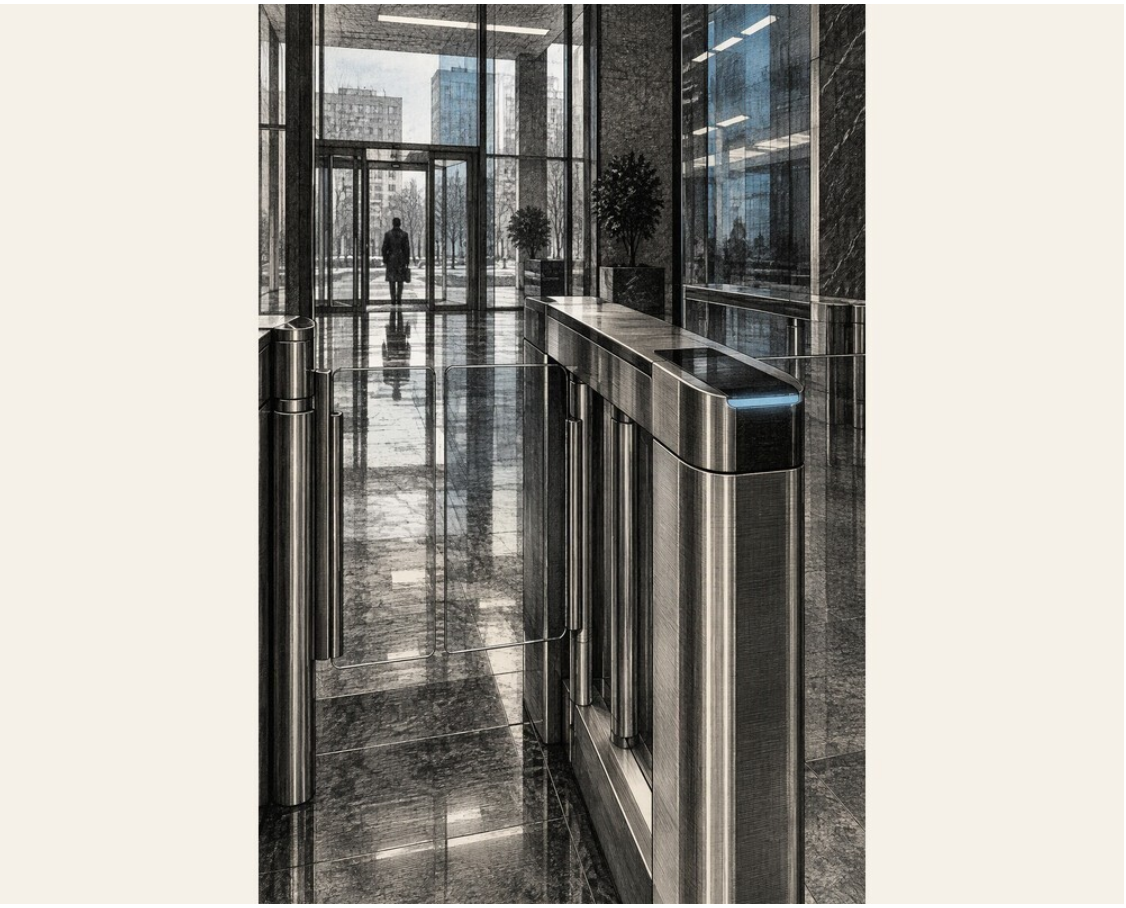
Рядом ставлю второй пункт: «приехать к матери». Смотрю на него и переношу вниз, под план на выходные. Утром будет встреча, днём работа, вечером разговор с Алисой. Суббота выглядит просторнее.

В 02:10 я наконец выключаю свет. Прежде чем уйти, проверяю телефон. От Гнесина новых сообщений нет. От Лидии тоже. В рабочем чате Кирилл выложил фотографию кофейной чашки с надписью «держимся» и удалил её через минуту.

Я беру старую визитку с собой в комнату. Кладу её поверх телефона, чтобы утром не забыть позвонить Гнесину после встречи. Матери оставляю сообщение: «Постараюсь завтра. Если не получится — в субботу точно».

Пока сообщение отправляется, Алиса снова делает дыхание ровным. На этот раз я не спрашиваю, спит ли она.

Глава 4. Врата

12 апреля 2024 года, Ульяновск

Турникет издаёт короткий сигнал и не открывается. Я прикладываю пропуск ещё раз. Красная полоса бежит по стеклу, останавливается, возвращается.

За моей спиной ждут двое из юридического отдела. Я отступаю, пропускаю их. Оба проходят по одному пропуску, извиняясь друг перед другом. Охранник смотрит на мой экран и нажимает что-то на своём.

— Попробуйте сейчас.

Красный снова.

На стеклянной стене написано: «Здесь начинается ваш путь». Буквы матовые, аккуратные. Я читал этот слоган каждое утро и никогда не думал, где находится начало: до проверки пропуска или после.

Из лифта выходит Марта Львовна. На ней тёмный пиджак, папку она держит не у груди, а в опущенной руке.

— Артём Ильич, я вас проведу.

Она прикладывает свой пропуск. Открывается соседняя створка. Зелёный свет падает на её туфли.

— Мой отключили? — спрашиваю я.

— Давайте в переговорной.

Фаринатова — стеклянная комната в конце коридора. Внутри стол на шесть человек, два стула и графин с водой. Марта ставит папку, но не предлагает сесть. Я всё равно опускаюсь на стул. Она остаётся стоять напротив.

— Ваша штатная должность сокращается с сегодняшнего дня, двенадцатого апреля. Решение утверждено. Документы о прекращении трудового договора подготовлены.

Она говорит негромко. За стеклом люди идут к рабочим местам. Кто-то останавливается у кофейного автомата. Кирилл разговаривает с Романом, смеётся, затем видит нас и перестаёт.

— Это ошибка? — спрашиваю я.

— Нет.

— Меня не уведомляли.

— Процедурные вопросы мы разберём отдельно. Сейчас мне нужно передать вам документы и объяснить дальнейшие шаги.

— Где Лидия Бруновна?

— Сегодня её не будет.

— Она знала?

Марта смотрит на папку.

— Она участвовала в обсуждении структуры направления.

— Это ответ на другой вопрос.

— Я не могу комментировать её разговоры с руководством.

Она выкладывает передо мной листы. Моя фамилия напечатана трижды. Дата одиннадцатого апреля стоит в уведомлении, которое я вижу впервые. В строке подписи получателя пусто.

— Я это не подписывал.

— Да. Поэтому зафиксируем вручение сегодня.

— Вы собираетесь уволить меня задним числом?

— Нет. Дата прекращения — двенадцатое апреля. Юрист объяснит порядок, если у вас будут возражения.

Марта впервые опускает глаза. На её большом пальце виден след от ручки, синяя полоска у ногтя.

Я достаю телефон и пишу Лидии: «Я в переговорной. Меня сокращают. Вы знали?» Сообщение уходит. Ответа нет. Открываю вчерашнюю переписку, где мой вопрос о встрече остался непрочитанным. Молчание становится слишком содержательным. Я уже готов прочитать в нём согласие.

— Почему она мне ничего не сказала?

— Я не знаю.

— Вы знаете хотя бы, почему именно я?

Марта выпрямляется.

— По направлению сокращаются четыре позиции. Это не персональная оценка только вашей работы.

— Четыре фамилии утешают сильнее, чем одна?

— Нет. Я отвечаю на вопрос.

Она протягивает мне ручку. Я её не беру.

— Мне нужно позвонить.

— Конечно. Только прошу сначала ознакомиться с документами.

Выхожу в коридор. Звоню матери, потому что обещал. Она отвечает после второго гудка.

— Ты уже едешь?

— Мам, я на работе. У меня тут… меня сокращают.

— Совсем?

— Не знаю. Сейчас разбираюсь. Я позже перезвоню.

Она молчит секунду.

— Ты не волнуйся. Работа найдётся. Ты поел?

Мне хочется повесить трубку именно на этом вопросе. Вместо ответа говорю:

— Лекарства собраны. Привезу после работы, если получится.

— Не надо после работы, если ты устал. Приезжай, когда сможешь. Только скажи.

— Хорошо. Как ты?

— Нормально. Врач был. Ты своё делай.

Она говорит быстро, словно боится занять время у моего увольнения. Я благодарю и обрываю разговор. На экране остаётся её имя. Я не спрашиваю, что сказал врач.

. . .

В опенспейсе моё рабочее место уже занято коробками с бумагой. Ноутбук стоит поверх них, зарядка свёрнута чужой рукой. Роман подходит с кружкой, ставит её на соседний стол.

— Мне тоже, — говорит он.

— Что тоже?

— Письмо. Только не сегодняшним днём, через месяц. Пока оставляют проект.

Он хочет сказать ещё что-то, но появляется Кирилл. На нём рубашка с расстёгнутым воротом, в руке два распечатанных договора.

— Идём в малую. Там воздух получше.

В малой переговорной нет окон. Вентиляция гудит слабо. Кирилл закрывает дверь и сразу садится на подоконник искусственной ниши, где обычно стоят презентационные планшеты.

— Слушай, штат закрыли. Это плохо. Но проект никто не отменял. Репутационный цикл надо закончить до двадцать восьмого июня. ГПХ, доступ сохраняется, рабочее место найдём.

Я листаю договор. Оплата по актам, сроки по заданиям, отпуск не предусмотрен, социальные гарантии ограничены формулировками закона. Доступ к серверу действительно сохраняется отдельным приложением.

— Почему ты приносишь это, а не Марта?

— Потому что я предлагаю работу. Она предлагает выходное пособие и памятку.

— Ты знал вчера?

Он смотрит на дверь.

— Знал, что список есть. Не знал окончательный.

— Ты сказал, что не открывал.

— Не открывал окончательный. Артём, давай не устраивать следствие по каждому глаголу. Сейчас есть вариант остаться в проекте.

— На каких условиях?

Он называет сумму. Она меньше прежнего дохода, хотя обещанный объём работы тот же.

— Это не годится.

— Другого бюджета нет.

— Тогда должность в договоре должна быть сформулирована нормально. «Старший редактор и исследователь корпуса». Не «исполнитель услуг по обработке текстовых материалов».

Кирилл поднимает брови.

— Ты хочешь торговаться о названии?

— Оно будет в документе.

— Деньги тоже будут в документе.

— Деньги ты только что назвал неизменными.

Он трет переносицу. На секунду его лицо становится обычным уставшим лицом, без улыбки.

— Я могу попросить прибавить немного к первому акту. Не обещаю. Название поменять проще.

— Попроси.

Он выходит звонить. Я остаюсь с договором. На последней странице место для подписи узкое. Пробую расписаться на черновике, чтобы рука помнила размер. Левая кисть затекла, буква «В» получается слишком высокой.

Пишу Гнесину: «Сократили. Есть временный договор до 28 июня. В понедельник приеду». Он не отвечает. Лидия по-прежнему молчит.

Кирилл возвращается через десять минут.

— Первый акт чуть подняли. Название согласовали, только «ведущий» вместо «старший». Так принято у подрядчиков.

— Ведущий редактор и исследователь корпуса.

— Да. Ты теперь ведущий без штата. Звучит почти независимо.

— Доступ к переговорным и файлам?

— Как у проектной команды. Пропуск будет подрядчика, выдают каждый день у охраны.

— А если я не подпишу?

Кирилл пожимает плечами.

— Тогда проект перераспределят. Тебе выплатят то, что положено, и ты начнёшь искать работу с понедельника.

— Я могу начать сегодня.

— Можешь. Но ты хочешь остаться.

Он говорит это без улыбки. Я ненавижу его на одну секунду за точность.

Беру ручку. Подписываю каждый экземпляр. На втором рука дрожит, подпись выходит похожей на чужую. Сравниваю их, поправлять поздно.

Кирилл забирает один экземпляр и проверяет подпись на последней странице.

— Всё. До понедельника не пропадай. Мне нужно закрыть первый акт, а не обсуждать справедливость.

Я складываю свой экземпляр. На титульном листе «ведущий» выглядит убедительно. Внутри нет прежнего оклада, отпуска, уверенности в следующем месяце. Зато завтра я снова пройду в офис. Докажу, что без меня разметка рассыплется. Фаринатов увидит результаты и восстановит должность.

Перед уходом Марта возвращает мне временный пропуск.

— В понедельник оформим остальное, — говорит она. — Сегодня доступ до восемнадцати.

— Мне нужно дописать материал.

— До восемнадцати, Артём Ильич.

Она уходит по коридору. В телефоне сообщение от Лидии появляется только вечером: «Прости. Сейчас не могу говорить». Я читаю его как признание, хотя в нём нет ничего, кроме отказа от разговора.

. . .

Дома в 19:36. Алиса уже пришла. На столе два контейнера с едой, она разогревает чайник. Сумки стоят у шкафа в том же порядке. Я кладу договор на видное место.

— Подписал ГПХ, — говорю с порога. — До двадцать восьмого июня. Доступ сохранили. Название добился ведущего редактора.

Она выключает чайник раньше кипения.

— Поздравляю?

— Это лучше, чем ничего. Я покажу Фаринатову расчёт. Он не понимает, сколько всего на мне держится. Напишу объяснение по проекту.

— Садись есть.

— Некогда. Надо до утра собрать цифры.

Алиса ставит на стол вторую вилку.

— Ты обещал к восьми поговорить. Сейчас без двадцати восемь. У нас есть время поесть.

Сажусь. Она открывает контейнер. Рыба, овощи, всё аккуратно разделено. Я ем быстро, смотрю на телефон экраном вниз.

— Я приняла решение, — говорит Алиса. — Завтра уеду.

Вилка останавливается у рта.

— Куда?

— Пока к сестре. Потом в комнату, которую смотрела.

— Из-за сегодняшнего?

Она закрывает глаза на секунду.

— Нет. Из-за последних двух лет. Сегодняшнее я узнала вместе с тобой.

— Ты выбрала день, когда меня сократили.

— Я выбрала субботу, чтобы забрать вещи. Решение было раньше.

— Ты можешь подождать хотя бы неделю?

Алиса отодвигает контейнер.

— Я ждала с прошлого лета. Просила тебя разговаривать. Просила поехать куда-нибудь без ноутбука. В январе сказала, что не могу больше просыпаться и проверять, дома ты или уснул на работе. Ты купил новый ортопедический стул.

— Стул был нужен.

— Может быть. Я говорила о другом.

— У меня была работа. Мать болеет. Ты думаешь, я специально исчезал?

— Нет. Думаю, тебе всегда было чем объяснить исчезновение.

Я встаю и начинаю ходить по кухне. В голове складывается список её отъездов: сестра, ночные смены, ссора из-за ремонта. Все они кончались возвращением. Я предлагаю ей отложить до понедельника. Она качает головой.

— Завтра днём. Не ночью, не после нового обещания.

— Ты хочешь развода?

Она отвечает после паузы:

— Я хочу перестать жить так. О документах поговорим, когда ты сможешь не превращать это в процесс защиты.

— Я ничего не защищаю.

— Ты уже перечисляешь мне мои обвинения, как замечания к тексту.

Я сажусь. Еда остывает. Алиса достаёт хлеб, режет два ломтя, один оставляет на доске.

— Сегодня никуда не поеду, — говорит она. — До завтра. Но решение не отменяется.

— Хорошо. Завтра поговорим нормально.

Она смотрит на меня, и я не понимаю, верит ли. Сам я верю, потому что суббота ещё не наступила.

. . .

13 апреля 2024 года

В субботу утром я просыпаюсь от звука молнии на сумке. Алиса стоит у шкафа в джинсах и куртке. На кровати лежат три сложенных листка.

— Что это?

— Записки, которые я тебе оставляла. Ты хранил их в ящике с инструкциями.

Первый датирован августом позапрошлого года. «Уехала к Лене. Не ищи вещи по телефону. Мне нужно побыть одной». Второй: «Снимаю комнату на неделю. Если захочешь говорить, приходи без обещаний». Третий короткий: «Остаюсь на ночные смены. Возвращаться пока не хочу».

Я помню недели, когда её не было. В первую у меня испортился обед, потому что я не знал, где контейнеры. Во вторую я заболел и написал ей только про жар. Третья совпала со сдачей проекта, я почти обрадовался тишине.

— Зачем ты это принесла?

— Чтобы ты не говорил, что всё началось вчера.

— Я не говорил.

— Говорил. «Из-за сегодняшнего», «ты выбрала день». Я тоже делала плохо: уходила и ждала, что ты догадаешься. Не объясняла до конца. Но я возвращалась, и ты каждый раз вёл себя так, будто поломка устранена.

Она складывает свитер. Рукав, который я заправил позавчера, снова торчит наружу.

— Что мне сделать сегодня?

Алиса держит свитер на весу.

— Не обещать, что всё изменится с понедельника. Не составлять план моего возвращения.

— Я могу поехать к матери. Ты хочешь остаться одна?

— Я хочу, чтобы ты сделал то, что считаешь нужным, без проверки моей реакции.

Это звучит как разрешение и как отказ одновременно. Я иду на кухню. Пишу Фаринатову первое письмо: про вклад в проект, риски потери компетенции, необходимость сохранить штатную позицию. Удаляю слово «унизительно». Заменяю «незаменимость» на «устойчивость процесса».

Через час Алиса вызывает такси. Вещей у неё меньше, чем я ожидал: две сумки и коробка с книгами.

— Остальное заберу потом, — говорит она. — Ключ оставлю, пока ты здесь. Нам надо будет обсудить квартиру, но не сегодня.

— Я могу помочь внизу.

Она кивает.

У лифта я несу коробку. Она тяжёлая, внутри сдвигаются книги. Алиса держит обе сумки и не даёт взять их.

— Ты не обязан довозить меня до двери сестры.

— Я просто спущусь.

Водитель ждёт у подъезда. Кладёт сумки в багажник, коробку ставит на заднее сиденье. Алиса протягивает мне ключ на кольце с деревянной бусиной.

— Зачем? Он твой.

— У меня есть второй.

Она кладёт ключ на крышку коробки.

— Тогда оставь у себя. Потом верну.

Я забираю его. Бусина тёплая от её ладони.

— Позвонишь, когда доберёшься?

— Да.

Она садится. Машина уезжает по влажному асфальту. Я стою, пока задний фонарь не исчезает за поворотом, затем поднимаюсь. На кухне продолжается первое письмо Фаринатову.

. . .

В 16:18 звонит мать.

— Тёма, ты вечером приедешь? Я попросила, мне разрешат тебя пропустить до восьми.

Я смотрю на пятую версию объяснения. Кирилл написал, что Фаринатов готов прочесть короткую записку до понедельника. Короткую — значит, мою надо сократить втрое. На двери висит пустая сумка Алисы, которую она забыла или решила не брать. Рядом пакет лекарств.

— Да. Приеду вечером.

— Только если сможешь. Ты вчера такой был.

— Смогу. Хочешь, что-то привезу кроме лекарств?

— Сметану, если не трудно. И яблоко мягкое, твёрдые мне не надо. У тебя дома суп?

Я улыбаюсь.

— Ты мне суп предлагаешь из своей квартиры?

— А что, дома у тебя суп? Алиса приедет?

— Не знаю.

Мать не уточняет. Слышно, как она поправляет подушку.

— Ну приезжай. Я тут платок нашла, ты когда-то в школе носил. Зачем хранила, сама не знаю.

— До вечера.

После разговора я пишу «сметана, яблоко» на аптечном пакете. Ставлю будильник на 18:30. Потом открываю шестую версию письма.

В 18:31 я переношу будильник на 19:00. Нужно закончить абзац. В 19:04 Алиса присылает: «Добралась». Я жду продолжения. Его нет. Пишу: «Может, я приеду завтра?» Удаляю. Отправляю: «Хорошо».

В 19:47 я решаю, что до восьми уже не успею, но можно попросить пропустить позже. Набираю больницу, затем сбрасываю до вызова. Сначала надо понять, останусь ли я ждать Алису. Она могла передумать. Пустая сумка у двери доказывает возможность возвращения, хотя на самом деле доказывает только забытую вещь.

В восьмой версии я добавляю таблицу рисков. В девятой сокращаю её. В десятой возвращаю, потому что Фаринатов любит стратегию. Кирилл пишет: «Не больше страницы». Я перестраиваю текст заново.

В 21:36 готов. На всякий случай читаю вслух. Фразы звучат убедительно, почти чужим голосом. Сохраняю двенадцатую версию, потому что одиннадцатая была резервной, а в ней я заметил ошибку после сохранения.

Мать наверняка спит. Дорога займёт время, персонал будет недоволен, лекарства можно привезти утром. Я пишу ей: «Прости, сегодня поздно. Приеду утром». Сообщение долго не отправляется из-за сети. Потом появляется одна отметка.

Звоню ей. В палате никто не отвечает. Оставляю телефон на столе и иду умываться.

Возвращаюсь в 22:28. Ответа нет. Печатаю договор, чтобы утром отнести второй экземпляр Кириллу. Принтер дважды жуёт бумагу, я вытягиваю скомканный лист, кладу ровную распечатку рядом с телефоном.

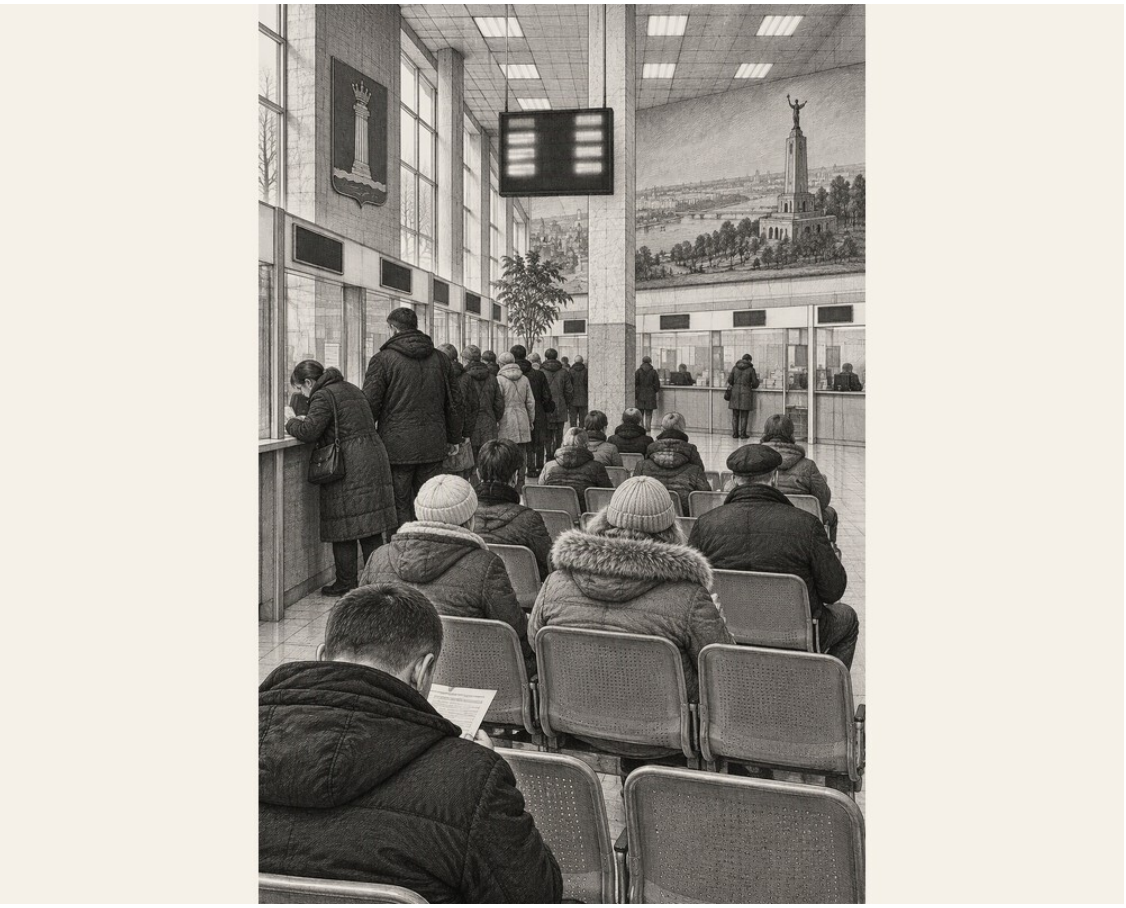
Пишу Алисе: «Я закончил. Можем поговорить?» Сообщение остаётся непрочитанным. Её пустая сумка по-прежнему у двери. Я переношу её в прихожую, ставлю аккуратно, будто она ждёт следующего выхода.

Телефон переходит в беззвучный режим от установленного ночного расписания. Я не замечаю значка. Проверяю только почту и сохраняю письмо Фаринатову в черновиках, чтобы утром перечитать трезвым взглядом.

В 22:41 экран на кухонном столе вспыхивает и гаснет. Я уже в спальне. В журнале остаётся сообщение с больничного номера: «Артём Ильич, перезвоните, пожалуйста, срочно».

Телефон лежит беззвучно рядом с распечаткой временного договора. Я ложусь спать, решив, что утро наконец можно отдать матери.

Глава 5. Нейтральные

14 апреля 2024 года, Ульяновск

В 05:40 я просыпаюсь без будильника. Квартира тихая. Первым делом смотрю на дверь: пустая сумка Алисы стоит там, где я её оставил. Вторым — на телефон.

Сообщение с больничного номера пришло в 22:41. Ниже ещё одно, в 04:52: «Перезвоните, пожалуйста». Два пропущенных вызова. Я набираю номер, сидя на краю кровати.

Отвечает мужчина.

— Дежурный врач.

— Здравствуйте. Я Артём Верещагин, сын Нины Павловны. Вы просили перезвонить.

— Да, Артём Ильич. Минуту, я найду карту.

Слышно, как перелистывают бумаги. Я успеваю встать и сделать шаг к кухне. Мне нужно услышать, что ей хуже, что надо приехать, подписать согласие, привезти документы. Лекарства уже собраны. Сметану и яблоко я куплю по дороге.

— Нина Павловна Верещагина умерла сегодня, четырнадцатого апреля, рано утром, — говорит врач. — Соболезную.

Я смотрю на пакет с лекарствами. На нём моя запись: «сметана, яблоко».

— Как?

Он называет известные ему медицинские обстоятельства коротко, без подробностей, которые я не смогу удержать. Состояние ухудшилось, помощь оказывалась, изменения были быстрыми. Говорит о времени, зафиксированном в карте. Я не записываю его. Спрашиваю:

— Она звала меня?

— Я не могу этого сказать.

— Она ждала меня вечером?

— Мне это неизвестно. Я заступил ночью.

— А кто-нибудь знает?

— Медсестра была с ней. Вы сможете поговорить с ней, когда приедете.

Я говорю, что выезжаю. Врач объясняет, куда подойти и какие документы взять. Голос у него уставший, внимательный. Он дважды уточняет, понял ли я адрес входа. Я отвечаю «да», хотя адрес приходится потом искать в сообщениях.

В прихожей надеваю куртку на футболку. Забываю носки, возвращаюсь. Пакет лекарств беру с собой по привычке и понимаю только у двери. Ставлю его обратно. Сметана и яблоко остаются невыполненной строкой.

Такси приезжает через четыре минуты. Водитель спрашивает, включить ли музыку. Я отвечаю «нет», и мы едем молча. Город почти пуст. У остановки двое с пакетами ждут первый автобус. На строительной сетке сквера то же объявление о благоустройстве, стрелка мокрая и загнутая.

У больницы водитель называет сумму. Я долго не могу ввести код карты. Он ждёт, не подгоняет.

— Всё, прошло, — говорит наконец. — До свидания.

Дежурный врач встречает меня у ординаторской. Он моложе, чем звучал по телефону, в мятой куртке. Повторяет основные факты. Я слушаю и киваю.

— Можно её увидеть?

Он объясняет порядок и вызывает медсестру. Никто не произносит обвинений. Никто не говорит, что всё могло кончиться иначе, приедь я вечером. Эта мысль появляется у меня сама и тут же получает вид медицинского заключения, хотя врач ничего подобного не сообщал.

. . .

Медсестра представляется Валентиной Сергеевной. Она несёт прозрачный пакет с вещами и бумажник с документами. Пакет неплотно завязан, сверху виден серый халат.

— Здесь её очки, телефон, расчёска, одежда. Проверьте при мне, пожалуйста. Телефон разряжен?

Я достаю аппарат. Экран чёрный.

— Он садился, она просила зарядку. Я не привёз.

Валентина Сергеевна достаёт из кармана маленький листок.

— Она просила напомнить про воду, записывала, что взять из дома. Здесь ещё номер вашей жены.

— Алисы?

— Да. Она навещала её. Вы хотите, чтобы я ей позвонила?

Я смотрю на цифры. Номер Алисы записан маминым почерком на больничном бланке, рядом мой с двумя последними цифрами, зачёркнутыми и переписанными. Ниже слово «вечер». На вечернем листе дежурства отмечен звонок Алисе. Против моего номера отметки о звонке нет: вечером мне отправили сообщение, но не позвонили.

— Я сам.

— Хорошо. Сейчас принесу документы, которые вам нужны. Не торопитесь.

В палате уже пусто рядом с её кроватью. На тумбочке стоит пластиковый стакан с водой, наполненный наполовину. Поверхность неподвижна. Очков на ней нет, они в пакете у меня. Я почему-то ищу их сначала именно там.

Валентина Сергеевна поправляет стакан, чтобы его не задели.

— Она пила?

— Немного. Просила воды. Спрашивала время.

— Что ещё?

— Просила не выключать свет в коридоре, соседка хотела спать. Мы оставили приглушённый.

— Про меня?

Она смотрит мне в лицо.

— Я слышала, что она разговаривала с вами днём. Вечером спрашивала время. Больше я не могу подтвердить.

— Она меня простила?

Вопрос звучит непристойно в комнате со стаканом и чужими кроватями. Валентина Сергеевна не отступает и не утешает.

— Я этого не знаю. И не знаю, что она думала про ваш приезд. Могу сказать только, что просила воды и время. Мы с ней разговаривали про одеяло. Ей было жарко, потом она попросила укрыть ноги.

Я киваю. Мне нужна последняя фраза, адресованная мне, а она говорит про одеяло. В её словах нет наказания. Нет и оправдания.

— Можно мне посидеть минуту?

— Да. Потом надо будет освободить место. Я пока позвоню Алисе, если вы не против. Вы сейчас не сможете всё держать в голове.

Я не помню, ответил ли. Через некоторое время сажусь на стул у стены. Пакет вещей стоит между ног. В нём мамина кофта, сложенная рукавами внутрь. Я кладу ладонь на пакет и чувствую только холодный полиэтилен.

Алиса приезжает в 07:20. Она в куртке поверх домашней одежды, волосы собраны небрежно. Подходит, обнимает меня одной рукой. Я стою неподвижно, потом прижимаю её слишком сильно. Она не отстраняется.

— Что нужно сделать? — спрашивает.

— Не знаю.

Она говорит с Валентиной Сергеевной, записывает названия бумаг, уточняет телефон ритуальной службы, которую выбрали пока только для перевозки. Ничего не решает за меня. Каждый вопрос повторяет мне:

— Тебе отдать документы или пока у меня?

— Тебе.

— Паспорт матери я положу в отдельный файл.

— Да.

— Ты сможешь поехать в её квартиру за свидетельствами? Или подождать?

Мне нужно сделать хоть одно действие, в котором есть направление.

— Поеду. Там папка в шкафу.

Алиса кивает. О браке мы не говорим. Она не пользуется моим состоянием, чтобы смягчить вчерашнее, и я не требую от неё остаться. Когда она предлагает поехать со мной, я соглашаюсь.

. . .

Ключ от материнской квартиры лежит у меня в старом кармане куртки. Я нахожу его по брелоку с красной нитью. Дверь открывается трудно, надо приподнять ручку. Раньше мать просила починить замок, я советовал смазать его.

Внутри пахнет варёной капустой и сухими травами. На кухонном столе две тарелки. Одна глубокая, другая мелкая. В холодильнике на верхней полке стоит кастрюля с супом под крышкой, рядом контейнер с котлетами, пакет сметаны и три яблока. Она уже купила то, о чём просила меня.

Алиса открывает окно на проветривание.

— Суп надо убрать, — говорит она.

— Выкинуть?

— Раз стоял в холодильнике, часть можно заморозить. Остальное разберём.

Я стою с крышкой в руке. Под ней жир застыл тонкими светлыми пятнами.

— Она ждала меня.

Алиса не отвечает «да». Подходит и берёт кастрюлю.

— Она приготовила еду. Давай уберём.

Мы делим действия. Она достаёт контейнеры, я ищу документы. В шкафу три папки: квартира, медицина, пенсия. В четвёртой, без подписи, открытки, старые фотографии и квитанции. Я беру её тоже.

На холодильнике под магнитом список: «починить кран», «сметана», «спросить про таблетки», «Тёма — суп», «синее полотенце». Последний пункт не закончен: «отдать…». Дальше пусто. Ни обращения, ни прощальных слов.

Синее полотенце лежит на спинке стула. Обычное махровое, с выцветшей полосой у края. Я складываю его вдвое.

— Это она про него говорила, — говорю Алисе.

— Возьмёшь?

— Не знаю.

Она не советует. Продолжает закрывать контейнеры, но вдруг останавливается и прижимает пальцы к виску.

— Что?

— Ничего. Не завтракала.

На плите стоит маленький чайник матери, белый, с трещиной на носике. Я наливаю воду, включаю газ. Алиса хочет возразить, но передумывает и садится у стола.

В шкафу две чашки на видном месте. Одна мамина, с коричневой каёмкой, другая гостевая, из старого сервиза. Я беру гостевую и ставлю перед Алисой. Она достаёт из пакета хлеб, который купила по дороге, отламывает кусок.

— Съешь тоже.

— Не хочу.

— Тогда хотя бы попей.

Мы сидим, пока чайник нагревается. Алиса знает, где лежит заварка, достаёт её без поиска. На верхней полке я замечаю банку с её надписью: «Нине Павловне, малосольные». Почерк Алисы.

— Это ты принесла?

— Да. Она просила рецепт. Потом сказала, что у меня получаются лучше, хотя я всё сделала по её словам.

— Когда?

— В марте.

Алиса разглаживает край пакета.

— Мы поссорились тогда немного. Она решила, что я мало ем. Я сказала, что она всех кормит, чтобы не отвечать на вопросы. Она обиделась на полчаса, потом всё равно выдала мне банку.

Я представляю их на этой кухне без себя. Мать перекладывает огурцы, Алиса пишет на банке. Они могли говорить о работе, о погоде, обо мне. Эта сцена не возникает перед глазами подробно, потому что меня в ней не было.

— Она тебе доверяла, — говорю я.

Алиса смотрит в чашку.

— Мы просто виделись. Иногда ругались. Она была отдельно от нашего брака.

Чайник начинает шуметь. Я снимаю его до кипения, наливаю воду. Заварка сначала слишком светлая. Мать всегда ждала, а я наливаю сразу. Алиса молча отодвигает свою чашку и ждёт. Я стою со своей, не зная, что теперь с ней делать.

На подоконнике стоит банка с проросшей луковицей. Корни белые, спутанные. Вода почти испарилась. Я доливаю воду из стоявшего рядом кувшина, затем понимаю, что не знаю, нужно ли это теперь. Луковица остаётся стоять с полной банкой.

— Что с едой делать? — спрашиваю.

— Котлеты можно заморозить. Суп, если не хочешь оставлять, я заберу часть. Не выбрасывай всё сейчас.

— Тебе?

— Почему нет. Она готовила вкусно.

Она говорит без торжественности. Я достаю ещё один контейнер и наливаю суп сам, стараясь не расплескать. Несколько капель падают на стол. Алиса вытирает их синим полотенцем, потом смотрит на него и кладёт отдельно для стирки.

Мы выпиваем по полчашки. Хлеб остаётся на доске. Я съедаю маленький кусок, потому что она продолжает держать его мне. Вкуса почти нет, но глотать становится легче.

В ванной капает кран. Капля падает с длинным промежутком. Я закручиваю вентиль сильнее, капля всё равно собирается. Нужно заменить прокладку. Снимаю куртку, открываю ящик с инструментами, но Алиса останавливает меня:

— Сейчас не надо. Мы приехали за документами.

— Она просила.

— Знаю. Но ты не принёс прокладку.

Я стою с разводным ключом в руке. Потом кладу его обратно. Действие остаётся незавершённым, как пункт в списке.

Перед уходом Алиса выносит мусор. Я выключаю свет в комнатах. На столе остаются две тарелки. Убираю одну в шкаф, вторую тоже. Получается пустая столешница с кругом от кастрюли.

У двери Алиса спрашивает:

— Ты куда сейчас?

— Домой. Нужно позвонить.

— Я поеду к сестре. Если захочешь, я вернусь после звонков.

— Спасибо.

Она кивает. Я не прошу её вернуться. Она оставляет мне файл с документами и номер человека, который поможет с организацией. На прощание поправляет мне воротник, сама тут же опускает руку.

. . .

15 апреля 2024 года

В понедельник утром я открываю почту. Двенадцатая версия объяснения Фаринатову, написанная в субботу, так и лежит в черновиках между больничными звонками и списком документов. Я закрываю почту.

В МФЦ на Гончарова приезжаю к 14:20. В кармане файл с бумагами, паспорт, распечатанные реквизиты. Точный порядок действий я записал по телефону, но на входе забываю, к какому терминалу идти.

Сотрудница спрашивает цель визита. Я объясняю. Она выдаёт направления к нужным окнам и говорит, какие справки доступны сегодня, за чем придётся обращаться отдельно. В её речи нет равнодушия. Она делает это много раз в день и всё же замедляется, когда я теряю нить.

Терминал печатает талон А-34. Бумажка тёплая. На табло А-31. В зале около двадцати человек: мужчина с папкой для регистрации машины, две женщины обсуждают детский сад, пожилой человек спрашивает про квартиру, студент заполняет форму и ругается на собственную ошибку.

Сажусь в конец ряда. Пакет вещей матери остался дома, но я всё равно ощущаю его вес на ладони. Левая рука зажата, пальцы не разгибаются. Разминаю их о талон.

А-32. Женщина у окна спорит не из-за смерти, а из-за неверно напечатанной буквы. Сотрудница перепечатывает документ. А-33. Пожилой мужчина долго ищет очки, находит их на голове. Вокруг смеются, он тоже.

У меня начинается мигрень от люминесцентного света. В правом поле зрения появляется белая дрожащая точка. Я закрываю глаза и слышу голоса по отдельности: чей-то ребёнок просит воду, у принтера замят лист, охранник объясняет, где выход.

На табло А-34. Я встаю и вижу женщину с коляской у соседнего ряда. Она держит талон А-41, пытается одной рукой достать документы, другой удержать коляску.

— Проходите вместо меня, — говорю я.

Она удивляется.

— У меня другой вопрос. Мне к двенадцатому окну.

— Ничего, проходите.

Следующий посетитель, мужчина с талоном А-35, поворачивается:

— Куда вы её зовёте? Окно вызвало вас.

— Я уступаю.

— А меня вы спросили? Я после вас. Мне через десять минут на работу.

Женщина с коляской начинает отказываться. Сотрудница у окна повторяет номер. Мужчина А-35 встаёт, ребёнок просыпается и плачет. Я стою между ними с бумажкой, пытаясь придумать порядок, который сделает мой жест удобным для всех.

Подходит администратор зала.

— Артём Ильич, пройдите, пожалуйста, по своему талону. Женщине с коляской я помогу отдельно, у неё другое окно. Вы сейчас задерживаете очередь.

— Я только хотел…

— Да, понимаю. Пройдите к шестому.

Я иду к шестому. За спиной мужчина говорит женщине: «Вам помогут, не переживайте». Его голос уже спокойный. Она благодарит. Администратор ведёт её к двенадцатому окну. Мужчина с талоном А-35 возвращается на место и смотрит на часы.

У окна я подаю документы. Сотрудница проверяет страницы, задаёт короткие вопросы, объясняет, что будет готово и куда обратиться дальше. Я подписываю заявления. Подпись на одном листе похожа на ту, дрожащую, в договоре подрядчика. Она лежит рядом с датой смерти матери, и я исправляю наклон последней буквы, словно это имеет значение.

— Всё, — говорит сотрудница. — Проверьте номер телефона.

Я читаю цифры. В конце ошибка. Она исправляет сама, печатает заново, даёт мне подтвердить. Через десять минут часть справок у меня на руках. Очередь продолжает двигаться. А-35, А-36, затем другое буквенное обозначение для другого окна.

Выхожу в 15:47. Талон А-34 всё ещё в кулаке, влажный и мятый. Разглаживаю его о файл. Вспоминаю карандашную черту у тридцать четвёртой строки на полях раскрытого Данте: я видел её в четверг и теперь не могу вспомнить, старая она или поставлена мной тогда. Сейчас совпадение выглядит как назначение. Я знаю, что терминал выдаёт номера последовательно. Знание не мешает мне положить талон отдельно от чеков.

. . .

Дома в 16:00. На кухне стоит аптечный пакет, на нём «сметана, яблоко». Письмо Фаринатову не отправлено. Входящие — от Лидии, Кирилла, Гнесина. Я открываю только сообщение Гнесина: «Вы сегодня приедете? Если планы изменились, предупредите, я пока не достаю третью папку». Пишу: «Мама умерла. Перезвоню позже». Он отвечает через минуту: «Понял. Не приезжайте сегодня из обязательства. Соболезную».

Кладу телефон, потом снова беру. В переписке с матерью сохранилось голосовое, которое она прислала неделей раньше и которое я не слушал. Длительность сорок две секунды.

Нажимаю на экран рядом с кнопкой воспроизведения, но не на неё. Открывается меню: переслать, сохранить, удалить.

Я не удаляю. Переворачиваю телефон экраном вниз.

В блокноте рядом с первой таблицей пишу: «А-34». Провожу линию к возрасту, потом к числу листов в материнской папке. Их тридцать один. Добавляю три справки из МФЦ. Получается тридцать четыре. Я понимаю, что могу изменить счёт, вложив талон или не вложив, убрав открытки или добавив квитанции. Порядок зависит от моих рук. Всё равно записываю результат.

Голосовое остаётся неслушанным. Я говорю себе, что сначала надо разобрать документы. Это практическая задача, у неё есть начало и конец. Сорок две секунды её голоса не имеют для меня безопасного конца.

В четвёртой папке лежат открытки. Большинство подписаны сослуживицами, родственниками, мной в школьном возрасте. Одна открытка без конверта, с видом зимней набережной. На обороте аккуратный мужской почерк.

Я узнаю его раньше имени: прямые вертикальные штрихи, привычка не соединять отдельные буквы. Подпись — «И. Гнесин». Дата старая, время моей учёбы.

«Уважаемая Нина Павловна, благодарю за помощь с документами и за то, что не стали преувеличивать мою заслугу. Вашему сыну нужно меньше волноваться и больше проверять источники. Он способный, хотя временами невыносимый. Илья».

Ниже постскриптум: «За лекарство отдельное спасибо. Вы зря потратились».

Я читаю снова. Мать и Гнесин были знакомы. Он писал ей обо мне, благодарил за помощь, о которой я ничего не знаю. Встречались ли они или только переписывались, из открытки непонятно. Она хранила её среди семейных бумаг, никогда не показывая мне.

Беру телефон, чтобы позвонить ему. На экране снова голосовое матери, сорок две секунды. Палец останавливается между двумя действиями.

Затем я открываю блокнот и вписываю открытку в схему рядом с «Вергилием». Голосовое продолжает ждать. На кухне тихо, только холодильник включается с обычным низким гулом.

Глава 6. Лимб за турникетом

17 апреля 2024, 12:00–18:30; БЦ на Минаева

В 12:05 турникет показывает красное поле. Пластик остаётся у меня в пальцах. За стеклом щёлкает защёлка: механизм уже получил команду открыться, но передумал.

Я прикладываю карту ещё раз.

— Не мучайте её, — говорит охранник. — Она у вас в пятницу отключена.

Охранника зовут Валерий Палыч. Это написано на бейдже, который он носит буквами к стеклу, потому что иначе лямка перекручивается. До сегодняшнего дня я знал только его голос: «Пропуск не забудьте». Теперь он достаёт из-под стойки мой новый конверт.

— Верещагин Артём Ильич?

— Да.

— Только вы теперь не вы.

Он вынимает карту. На ней моя фотография, моё имя и ниже, жирнее фамилии: «ИП Верещагин А. И. Подрядчик». ИП у меня нет. Я показываю Валерию Палычу эту строку.

Он надевает очки.

— Действительно. Написали с потолка.

— Можно без ИП?

— Можно. Только турникет не умеет возмущаться.

Он звонит Марте. Слушает, смотрит на меня, потом на карту.

— Нет, человек не отрицает, что он человек. Организационно-правовую форму отрицает.

Марта что-то отвечает. Валерий Палыч хмыкает и просит меня расписаться в бумажном журнале. Пока я пишу, он исправляет карту чёрным маркером: зачёркивает «ИП» и сверху ставит короткую черту.

— Это юридически действительно?

— Это чтобы вы не нервничали. Юридически у нас вот журнал.

В журнале я значусь внешним исполнителем. Время входа, подпись, срок допуска — 28 июня. Дата окончания договора стоит в графе раньше, чем я успеваю спросить о ночных правках.

Валерий Палыч провожает меня к турникету. На его телефоне высвечивается фотография девочки в бумажной короне.

— Внучка? — спрашиваю я, потому что молчание кажется мне новым унижением.

— Дочка. Поздняя. Сегодня в саду весну представляла. Я ночь дежурил, не попал.

Он пролистывает видео, не включая звук. Девочка машет рукой кому-то за камерой.

— Мать сняла, — говорит он. — Я уже раз двенадцать посмотрел. Всё, идите, а то у вас рабочий день подрядчика короче моего.

На моём прежнем месте стоит чужой монитор. Не новый — просто не мой. На системном блоке наклейка «Не выключать». Раньше я сам наклеил её после сбоя корпуса. Теперь под наклейкой чужая записка: «Саша, кофе не ставить».

Временное рабочее место выделено у шкафа с архивными коробками. Стол узкий. Если отодвинуть кресло, оно упирается в дверцу. Если открыть дверцу, она бьёт по креслу. Я сажусь боком.

Лидии в опенспейсе нет. На её столе лежит стопка распечаток, перевязанная белой хлопковой лентой. Она ненавидит канцелярские резинки: говорит, что после них бумага пахнет автомобильной шиной. Рядом её кружки нет.

Я открываю рабочую почту. Вместо приветствия — автоматическая рассылка: «Внешним исполнителям запрещено самостоятельно изменять права доступа». Ниже приглашение на собрание Geryon пока отсутствует.

Кирилл проходит мимо с планшетом.

— О, вернулся продуктивно нештатный.

— У меня на пропуске ИП.

— У тебя на пропуске предпринимательская жилка. Не лишай себя мечты.

— Я не открывал ИП.

— Значит, оно само тебя открыло.

Он уже уходит, но оборачивается.

— В шесть будь готов. По корпусу вопросы. И не трогай чужой монитор, Саша из безопасности его боготворит.

Я достаю блокнот. Пишу: «подрядчик», «28 июня», «Лидия — ?». Потом добавляю: «Внешний». Слово выглядит точнее, чем положено.

. . .

Курилка находится за пристройкой, где раньше хранили новогодние украшения. Внутри бизнес-центра курить нельзя уже много лет, но название осталось. Теперь здесь стоят две скамейки, пепельница на ножке и автомат с напитками, который принимает карту только при температуре, известной ему одному.

Роман Гусев сидит с краю, прижав ладони к бумажному стакану. Напротив него Нелли Воронцова из методического отдела и Игорь Лаптев, бывший тестировщик. Я четвёртый. Временного договора нет ни у кого из троих. Роман дорабатывает месяц по уведомлению, Нелли и Игорь уже уволены.

У Нелли на коленях лежат тетради в клетку. Она исправляет в них красной ручкой.

— Ты хоть здесь работаешь? — спрашиваю я.

— Это не работа. Это племянник. Он считает, что если я пришла без buttов, значит, скучаю.

— Без чего?

— Бутов, — говорит Игорь. — Футбольных.

Нелли смотрит на него поверх очков.

— Не надо. Я целый день это уточняла.

Роман пододвигается. Места хватает на половину моего бедра, но я сажусь. Ветер проходит под скамейкой. На стене чья-то наклейка: «Не откладывай на завтра». Ниже от руки: «особенно курить».

Игорь держит электронную сигарету и не включает её.

— Мне пособие не положено, — говорит он. — Я сам написал заявление.

— Ты написал под давлением, — говорит Нелли.

— Я написал почерком. Экспертиза подтвердит.

— Почерк не юридическая категория.

— Зато красивый.

Он говорит, что уходит к отцу в Чердаклы, если до мая ничего не найдёт. Отец не может сам выбирать картошку в магазине, зато может спорить с Игорем о сортах. Игорь показывает вакансию ночного оператора. Зарплата меньше, зато днём он сможет возить отца по врачам.

Нелли собирается преподавать русский двум школьникам и не хочет больше составлять методические карты.

— Я двадцать лет объясняла взрослым, чем деепричастие отличается от причастия. Теперь хочу объяснять тем, у кого хотя бы есть оправдание.

Роман слушает и улыбается. У него медленная манера кивать: сначала кажется, что он согласен, потом видно, что он просто дожидается конца фразы.

— А ты? — спрашивает он меня.

— Пока заканчиваю проект.

— Это не ответ на вопрос о работе.

— Это ответ на вопрос о дате.

Нелли закрывает тетрадь.

— Смотрите, человек уцелел.

Я жду раздражения. Вместо него получаю место на скамейке чуть шире: Игорь перекладывает свою сумку на землю.

Роман достаёт из стакана чайный пакетик. Отжимает его ложкой.

— Не плач, а вздохи… Горе без мук, — произносит он, глядя на влажное пятно на скамейке.

Нелли поднимает голову от тетради.

— Лимб? Гусев, не начинайте. Меня от вас и на зачёте хватило.

— Тебя не хватило только на второй вопрос, — отвечает Роман.

Игорь наконец включает электронную сигарету и тут же выключает.

— Я эту песнь помню. Вы нам её читали перед пересдачей. Очень помогло: сели вдвоём и решили, что дальше уже некуда.

— Дальше была кафедральная библиотека, — говорит Нелли. — Ты туда не дошёл.

Они узнают текст не потому, что холодная скамейка требует хора. Просто когда-то Роман читал его одному курсу за другим, а Нелли проверяла у тех же студентов конспекты. Я успеваю записать в блокноте: «четверо — одна песнь».

Нелли заглядывает через мою руку.

— Четверо? Ты нас уже в таблицу внёс?

— Пока только в строку.

Она забирает у меня ручку и дописывает ниже адрес столовой.

— Вот полезная запись. После двух там борщ дешевле на сорок рублей.

— Сметана отдельно, — предупреждает Игорь.

— Тебе сметану на карточку не нальют? — спрашивает Нелли.

— Мне теперь много чего не нальют.

Он говорит это с улыбкой, но потом прячет вакансию ночного оператора в телефон. Роман достаёт из кармана мятную конфету и признаётся, что конфета у него сегодня вместо обеда. Нелли без обсуждения перекладывает к нему на колени оставшуюся половину своей булочки. Он начинает отказываться, она возвращается к тетради. Приходится взять.

Потом Нелли вспоминает о кружке.

— Кто-нибудь видел мою зелёную? С трещиной.

— Ты её выбросила, — говорит Игорь.

— Я её отставила.

— На мусорку.

— Отставила посмотреть, что будет.

Выясняется, что кружку забрал кто-то из уборщиков. Нелли уже купила другую, белую, но всё равно хочет узнать, куда девалась зелёная. Сначала она смеётся. Потом говорит, что трещина была не сквозная и кружка вполне могла ещё служить. Игорь не подшучивает над этим.

Я закрываю блокнот. Место на скамейке остаётся жёстким, ветер по-прежнему идёт снизу. Никто не собирается произнести за меня то, что я сам не умею спросить у Романа о работе.

Роман касается моего рукава.

— Про Илью Марковича. Ты спрашивал, как он узнал.

Я кладу ладонь на обложку.

— Он сказал, общая знакомая.

— Точнее, Вера Валерьевна Прохорова. Она вела у нас курс по корпусной лингвистике, потом перешла в другой проект. Я ей позвонил насчёт вакансий. Сказал, что у нас сокращения, назвал тебя. Она раньше работала с Гнесиным над какой-то антологией. Вот и вся телепатия.

— Ты позвонил ей одиннадцатого?

— Одиннадцатого днём. А она ему, видимо, вечером. Утром двенадцатого я узнал, что меня тоже сократили. Так что я заранее оповестил научное сообщество о собственной катастрофе, не получив к ней допуска.

Он произносит это без обиды на меня. От этого мне хуже.

Я вспоминаю ночь, скорую, 00:35. Звонок всё ещё можно считать своевременным. Но у своевременности появляется телефонный журнал, женщина с фамилией и мужчина, который искал работу.

— Почему ты раньше не сказал?

— Ты не спрашивал. Ты спрашивал, почему он позвонил именно тогда. А я не знаю. Знаю только, как дошёл слух.

Нелли поднимается.

— Пойду спрошу насчёт кружки. Если её выбросили, пусть хоть скажут прямо.

Игорь идёт с ней — заодно показать вакансию на её телефоне. На пороге они спорят уже о том, можно ли преподавать школьникам по видеосвязи, если дома лает собака.

Роман остаётся.

— Я не для того рассказал, чтобы ты теперь вычеркнул его звонок.

— Я ничего не вычеркнул.

— Ты блокнот закрыл.

Он допивает чай и сминает стакан. Я хочу объяснить, что земное звено ничего не решает, но Роман уже достаёт телефон: ему нужно отвечать по вакансиям, а не ждать моей оценки случившегося.

. . .

В 15:20 Марта находит меня в курилке. На ней пальто, застёгнутое не на ту пуговицу. В одной руке папка, в другой ключи от машины.

— Подпишите акт по первому этапу, — говорит она. — И заявление на замену пропуска. ИП мы уберём.

— С маркером уже решено.

Она не улыбается.

— Валерий Палыч мне сообщил. Он очень доволен собой.

Роман собирается уйти, но Марта останавливает его.

— Роман, список я вам тоже пришлю. Там не только редакторские позиции. Есть техподдержка с текстами и преподавание.

— Спасибо, — говорит он.

Я переворачиваю акт. Подпись требуется на последней странице, хотя сумма указана в приложении, которого нет.

— А где приложение?

— В почте. Я распечатаю ещё раз.

— Может, сразу принесёте список того, что я ещё должен подписать, не читая? Стражам удобнее, когда все ворота одинаковые.

Роман опускает глаза. Марта медленно кладёт ключи на скамейку.

— Что вы меня сейчас назвали?

— Не вас лично. Функцию.

— Вот не надо. Вы меня лично видите, лично со мной разговариваете и лично получаете от меня документы. Если хотите оскорбить, не прячьтесь за функцией.

Ветер двигает листы в её папке. Она прижимает их ладонью. Ноготь на большом пальце обломан, лак облез.

— Я провожу увольнения. Вы считаете, что это даёт вам право считать меня бесчувственной.

— Я считаю, что вы заранее знали список.

— Знала.

Ответ приходит быстрее, чем я готов к нему.

— И Лидия знала, — продолжает Марта. — За месяц. Она просила отложить решение, просила убрать часть людей, предлагала сократить серию. По вам она настаивала дольше, чем по остальным.

— Но предупредила только вас.

— Нет. Она предупредила меня не полностью. Я знала о её разговорах с Фаринатовым, но не знала всех условий. Она боялась, что если список уйдёт раньше, решение станет окончательным за один день. Это не оправдание. Это то, что произошло.

Я вспоминаю пустой стол Лидии, её молчание, открытку матери Гнесину. Схема требует выбрать предателя. Марта стоит передо мной и мешает выбору.

— Вы могли сказать мне.

— Могла. Не сказала.

— И всё?

— Нет, не всё. Я могу вернуть вам должность? Нет. Могу сделать так, чтобы вы перестали меня презирать? Тоже нет. Могу отдать список вакансий и исправить ваш пропуск. Это я делаю.

Она достаёт из папки два листа. На них семь организаций, телефоны, пометки о срочности. Некоторые строки вычеркнуты — видимо, места уже заняты.

— Ваше презрение к HR не вернёт работу, — говорит она. — И не сделает вас невиновнее меня. Вы тоже подписывали документы, не спрашивая, что будет с человеком после.

— Какие документы?

— Пока акт.

Я хочу сказать, что акт касается только меня. Но в нём перечислены материалы, подготовленные Романом и Нелли. Их труд принимается по моему этапу, а их фамилий нет.

Я откладываю ручку.

— Впишите исполнителей первого этапа.

Роман наклоняется к листу.

— Подожди. Мне подтверждение объёма действительно пригодится на собеседованиях. Но ты мог сначала спросить у меня.

— Ты против?

— Я только что сказал, что за. Просто это не одно и то же — быть за и быть вписанным тобой без спроса.

Марта переворачивает акт к себе.

— Я всё равно не стала бы добавлять фамилии по вашему слову. Нужна ведомость: кто какие файлы сдал. Роман, пришлите мне её, Нелли я напишу сама. После этого согласую новое приложение.

— А акт?

— Будет ждать приложение. Значит, и оплата будет ждать.

Я смотрю на сумму, которой нет на этой странице. До гонорара мне нужно платить агентству. Можно подписать сейчас, а чужие имена признать чужой заботой.

— Задержите, — говорю я.

Роман кивает Марте, не мне.

— Ведомость пришлю сегодня.

Она забирает акт и оставляет мне список вакансий. Потом поднимает ключи.

— И ещё. Я не прошу щадить меня за то, что я потом плачу в машине. Но не надо делать из этого другой спектакль. Я всё равно приду к следующему человеку с такой же папкой. Вам нужно знать именно это, а не решать, какая у меня при этом душа.

Она уходит прежде, чем я успеваю ответить.

Роман достаёт телефон.

— Завтра в девять вечера я разбираю вакансии в кофейне у вокзала. Не интервью. Просто смотрим, что реально, составляем письма. Придёшь?

— В девять?

— У меня днём собеседование. У тебя, если не ошибаюсь, тоже бывают дела.

— Приду.

— Не обещай торжественно. Просто напиши, если не сможешь.

Он записывает адрес мне в телефон. Я ставлю напоминание на 20:30. Потом проверяю письмо от Алисы: она просит встретиться завтра в семь. Времени хватит, если разговор займёт полтора часа.

Я отвечаю ей: «Да. Нужно закончить с вещами и документами».

Роман видит только мой экран с напоминанием.

— Вот, — говорит он. — Уже почти план.

. . .

К 18:10 опенспейс пустеет. Саша выключает монитор, которому нельзя ставить кофе, и бережно накрывает его тканевым чехлом. Лидия так и не появляется.

Я выхожу через служебную дверь, потому что со стороны курилки короче к остановке. Машина Марты стоит за углом пристройки. Она сидит за рулём, опустив голову на сложенные на руле руки. Окно со стороны водителя открыто на ширину ладони.

Я делаю шаг к ней.

В салоне звонит телефон. Марта поднимает голову, включает громкую связь и вытирает лицо ладонью.

— Да, мам, — отвечает она.

Детский голос спрашивает, купила ли она голубую глазурь. Другой ребёнок кричит, что голубая нужна была ему, а сестре обещали розовую. Марта слушает, открывает сумку, ищет там что-то.

— Глазурь есть. Обе. Если вы опять смешаете всё в одну кастрюлю, получится серый торт. Серый торт я есть не буду.

Она говорит это обычным голосом. Потом замечает меня в боковом стекле.

Я останавливаюсь. Между нами метров десять. Она не машет рукой и не отворачивается. Просто смотрит, пока детский голос спрашивает, сколько ей ещё ехать.

— Двадцать минут, — отвечает Марта.

Я иду к остановке. Мне нечего добавить к её поездке домой.

Валерий Палыч стоит у служебного входа с термосом. Ему на смену пришёл молодой охранник в новой форме, ещё без бейджа. Валерий Палыч показывает ему журнал.

— Колонки линейкой не черти. Некогда. Фамилию пиши разборчиво, время потом сам не разберёшь — иди на камеру смотреть.

Увидев меня, он достаёт второй бумажный стакан.

— Чай? Только без пакетика. Я его вытащил, когда дочка звонила, и куда-то засунул.

Я беру стакан. Чай оказывается почти холодным и очень крепким. Валерий Палыч возвращается к журналу; молодой сменщик уже успел вписать фамилию арендатора в графу времени.

Роман догоняет меня у пешеходного перехода. Он забыл шарф на скамейке и возвращался за ним.

— Ты вчера Илье Марковичу звонил? — спрашивает он.

— Звонил. Насчёт материнской открытки.

— Он потом позвонил Лидии.

Я останавливаюсь на самом краю тротуара. Впереди загорается зелёный, люди проходят мимо нас.

— Откуда ты знаешь?

— Она мне сегодня сказала. Я спросил, почему она не отвечает тебе. Она сказала, что Гнесин обвинил её в том, что она тебя сдала. Она не хочет обсуждать это через третьих лиц.

— Я не просил его звонить.

— Я так и понял.

— Что ещё она сказала?

Роман поправляет шарф, хотя ветра уже почти нет.

— Что она до последнего требовала оставить тебя. Не из благодарности. Ты был единственный, кто знал разметку старого корпуса и мог закончить без нового найма. Она называла это профессиональной причиной.

Это похоже на Лидию: спасти человека формулировкой о функции, чтобы никому не пришлось признаваться в привязанности.

— А почему она перестала отвечать именно после звонка?

— Не знаю. Может, решила, что ты уже всё за неё понял.

Загорается красный. Мы остаёмся на той же стороне.

Я достаю телефон и открываю диалог с Лидией. Последнее моё сообщение отправлено вчера в 23:48: «Значит, вы всё знали». Ни вопроса, ни просьбы объяснить. Просто приговор, рассчитанный на то, что человек придёт оправдываться.

Она не пришла.

Роман смотрит на экран, но не читает.

— Завтра в девять, — напоминает он.

— Да.

Я всё ещё держу палец над полем ответа. Потом убираю телефон. Писать Лидии сейчас значит снова потребовать, чтобы она освободила меня от собственной формулировки.

На другой стороне улицы Марта проезжает мимо в своей машине. Рядом с ней на панели лежит мой акт, а поверх него — два пакета с глазурью. Она не смотрит в мою сторону.

Глава 7. Франческа

18 апреля 2024, 19:00–22:00; кофейня на Гончарова, улица у Венца

Алиса выбирает столик у стены и сразу перекладывает вентиляционную решётку салфеткой. Не закрывает, только пытается изменить направление воздуха. Салфетку срывает через секунду. Она ловит её двумя пальцами, и мы тянемся к одному и тому же месту.

— Оставь, — говорит она.

Я сажусь напротив. Между нами конверт с документами и полиэтиленовый пакет с моими вещами. В пакете два зарядных устройства, бритва, серый шарф и том Данте в мягкой обложке. Книгу я искал три дня. Оказывается, она стояла у Алисы на рабочем столе в спальне.

— Ты читала? — спрашиваю я.

— Нет. Подкладывала под монитор.

В обложке остаётся прямоугольная вмятина. Я разглаживаю её ладонью.

Алиса замечает жест.

— Могу вернуть деньги за повреждение.

— Не надо.

— Тогда не смотри так.

Я убираю книгу в пакет.

У меня есть список вопросов. Он составлен в телефоне и продублирован на бумаге, потому что я не доверяю себе рядом с ней. Первый пункт: «Максим — когда». Второй: «Что именно было». Третий: «Что ты собираешься делать». Только четвёртым идёт договор аренды, пятым — документы, шестым — вещи. Седьмой: «Нина — почему твой номер».

Я вижу этот порядок и переставляю практические пункты вверх. Получается список человека, который пришёл решать жилищный вопрос. Я блокирую экран до того, как Алиса успевает прочитать.

Официант приносит напитки. Алиса заказала какао, потому что после ночной смены кофеин задерживает сон. Я выбрал эспрессо, хотя не спал почти двое суток. Она смотрит на чашку, но не комментирует.

У гула вентиляции три отрезка: длинный, два коротких. Я прилаживаю к ним строку из пятой песни и из-за этого пропускаю первую фразу Алисы.

— Что?

— Договор аренды, — повторяет она. — Хозяин согласен оставить всё как есть до конца месяца. Потом я могу остаться одна. Или ты можешь остаться на время. Я сниму себе другое жильё.

— Где?

— Пока у сестры. Не у Максима, если ты это хочешь спросить.

Я достаю ручку.

— Это один из вопросов.

— Знаю. Ты всегда спрашиваешь то, что не записал, как будто это случайно.

Она выделяет в договоре дату. До 25 апреля нужно предупредить хозяина, кто останется. Депозит возвращается на её карту, поскольку она платила последний раз. Мы делили расходы не поровну: после сокращения её доход был выше моего почти на треть. Я никогда не называл это вслух.

— Мне нужно до двадцатого, — говорю я. — Нашёл студию.

— Так быстро?

— А чего ждать?

Алиса отводит взгляд к окну.

— Не знаю. Может, ничего.

Вентилятор над нами ускоряется. Она поднимается и предлагает пересесть за столик у двери. Там холоднее, зато слышно. Мы переносим чашки, документы, пакет. Я ставлю её какао не с той стороны. Она молча меняет его местами со своим телефоном.

У нового столика она не садится сразу.

— До вещей я хочу сказать про Максима. Сама, а не когда ты начнёшь выяснять. Мы начали отношения до моего ухода. Не после.

Моя рука остаётся на спинке стула. Гул остался у стены, но я продолжаю слышать его. Теперь он будто идёт из чашки.

Алиса садится, достаёт из кармана пластырь и заклеивает кожу на большом пальце, содранную о перчатки или упаковку. Закончив, кладёт обёртку на блюдце.

— С конца февраля мы стали говорить не как знакомые. Второго марта поцеловались. Девятого я впервые осталась у него на ночь.

Я записываю только две даты. Потом добавляю: «февраль — разговоры».

— И после девятого ты продолжала жить со мной.

— Да. И спала с тобой. И говорила, что задерживаюсь на сменах, когда это была не смена. Я не буду подбирать слова помягче.

Следующий вопрос уже стоит у меня в голове: сколько раз она так говорила. Я смотрю на две даты и закрываю блокнот.

Алиса замечает это, но не благодарит.

— Ты можешь злиться. Можешь спросить, что тебе нужно. Только я не буду отчитываться по каждой ночи. Не потому, что мне есть что скрывать страшнее самого факта. Я не хочу, чтобы мы опять оказались там, где я отвечаю, а ты решаешь, какая формулировка сойдёт.

— Мне нужно понять, что было.

— Я тебе сказала, что было. Это не случайность и не ошибка одного вечера. Я знала, что делаю, скрывала и продолжала.

Она сжимает чашку, но не пьёт. На её запястье нет часов, которые я подарил три года назад. Вместо них тонкий ремешок фитнес-браслета. Мелочь, которую я замечаю только потому, что ищу доказательства перемены.

— Я не стану объяснять это сокращением и тем, что случилось с Ниной Павловной, — продолжает она. — Всё началось раньше. Но и до февраля у нас не было так, будто всё хорошо.

Максим обслуживал оборудование в её отделении. О нём она рассказывала мне ещё в январе: после замены блока питания аппарат не включался от розетки у шкафа. Инженер полчаса проверял провода, а потом объяснял ей, почему техника «не любит» именно это место.

— Ты тогда сказал только: «Поставь нормальный удлинитель», — говорит Алиса.

Я не помню разговора. Помню сгоревший удлинитель на нашей кухне и запах пластика. Мозг подсовывает ближайшую вещь вместо признания.

— Почему ты не сказала, что он тебе нравится?

— Сначала не хотела называть это так даже себе. Потом испугалась разговора. Это не героическая причина. Просто настоящая.

— Ты могла уйти до девятого марта.

— Могла. Могла остаться и сказать тебе до того, как всё началось. Я выбрала другой порядок. Он был самым удобным для меня и самым жестоким для тебя.

Она не добавляет «прости». Не протягивает мне готовую сцену, в которой я мог бы величественно простить или отказать. Я остаюсь сидеть с блокнотом под ладонью и слушаю, как у двери официант спорит с кофемашиной.

. . .

На чистой странице блокнота я пишу: «Что было до февраля». Слова получаются мелкими, будто места на листе уже не хватает.

— Ты говоришь, что хотела уйти. Но до него я не слышал этого прямо.

— Ты слышал «не хочу домой» и решал, что я устала.

— А ты должна была сказать «Максим»?

— Нет. До Максима я должна была сказать, что не хочу так жить. Я несколько раз пыталась уйти. Ты помнишь только, что я возвращалась.

Она отодвигает какао. Я жду обвинения общими словами, но вместо этого она спрашивает:

— Торт из круглосуточного помнишь?

Помню. Август 2022 года. Я обещал быть к ужину в семь, пришёл в половине двенадцатого ночи с тортом, купленным по дороге. Повода для торта не было. Мне нужно было принести что-нибудь вместо извинения.

— На следующий день ты уехала к сестре.

— На пять дней. А ты позвонил спросить, где зелёная блузка.

— Она была тебе нужна?

— Мне? Я была у сестры без блузки, но с чемоданом. Тебе она была нужна.

Я помню, что искал её не для себя, а чтобы заодно проверить, какие вещи Алиса забрала. Проверить и не спросить главное.

Весной 2023-го была съёмная комната на двенадцать дней. Перед этим она просила забрать её после процедуры: врач запретил садиться за руль. Я перепутал время и приехал на два часа позже. Она уже ушла на такси.

— Ты написала, что всё нормально.

— Это я врачу сказала, чтобы меня отпустили. Тебе я написала адрес комнаты.

— Я думал, тебе нужно выспаться.

— Двенадцать дней подряд?

Она говорит это не язвительно, а с недоумением, и мне становится нечем ответить.

— Потом у тебя была температура, — продолжает она. — Я вернулась. Ты опять решил, что всё прошло.

— Ты осталась со мной, когда я болел.

— Да. Я тебя любила. И всё равно не хотела возвращаться. Мне самой это казалось неудобным сочетанием.

Осенью она взяла три ночные смены подряд и договорилась пожить у коллеги. Собрала сумку, рассчитывая после последней смены не приехать домой. Коллега передумала её пускать, а искать другую комнату в то утро она не смогла.

— Сумку я видел, — говорю я.

— И спросил, не испортился ли в ней йогурт.

Я помню, что гордился этой шуткой. Сейчас Алиса усмехается вместе со мной, коротко и неприязненно к самой себе.

— Я тоже хороша. «Побуду у сестры». «Мне надо выспаться». «Не жди меня». Боялась сказать прямо, а потом злилась, что ты не понял. Не надо делать из меня человека, который всё объяснил, а ты просто не слушал. Я прятала слова вместе с сумкой.

Впервые за вечер её голос срывается. Не в плач. Последнее слово звучит тише.

— Но девятого марта я уже знала, что делаю. Там я себе не намекала.

Я снова открываю блокнот на двух датах. Хочу спросить, как после этого она могла ложиться рядом, но вопрос звучал бы не как попытка понять её, а как способ заставить её ещё раз пережить то, что она уже назвала. Вместо него выходит другое:

— Любовь у Франчески тоже не позволяет отказаться любимому. Она говорит так, будто её несёт ветром, и почти забываешь спросить, куда она сама шла.

Алиса смотрит на пакет с книгой.

— Я это помню. Ты читал мне ту страницу, когда мы только съехались. Я тогда сказала, что у неё слишком красиво получается оправдываться, а ты обиделся за неё.

Я не помню её замечания. Помню собственное чтение вслух и то, что она лежала рядом, положив ноги на мои колени.

— Не надо теперь ставить меня на её место, — говорит она. — Я не кружусь с Максимом над кофейней и не пришла читать тебе монолог. Я скрывала отношения, сделала тебе больно и завтра иду на раннюю смену. Вот где я есть.

— А если схема всё равно есть?

— Может быть. Я в ней не участвую.

За соседним столиком две девушки спорят, успеют ли они утром на электричку. Одна просит у другой зарядку. Алиса машинально проверяет собственный телефон и выключает звук будильника на завтра.

— Что я должен был сделать? — спрашиваю я.

— В какой день?

— В любом из тех.

— Прийти вовремя. Потом спросить, почему я не хочу домой. И не рассказывать сразу, какой у тебя был трудный месяц.

— Я действительно не видел.

— Знаю.

Она говорит это без торжества. Ей не нужно выигрывать мою слепоту.

— Значит, не поровну, — говорю я.

Алиса устало закрывает глаза.

— Я не про проценты. Не поровну, не шестьдесят на сорок. Я сделала то, что сделала. Ты годами был рядом так, что мне приходилось выпрашивать самое простое. Одно другим не оплачивается.

— Как тогда это держать в голове?

— Не знаю. Я сама держу плохо.

Она наконец пьёт какао. Оно остыло, и она морщится. Я предлагаю заказать горячее. Она смотрит на часы и отказывается: до дома ещё ехать к сестре, а вставать в пять.

. . .

Мы делим вещи не по справедливости, а по тому, кто чем пользуется.

Алиса оставляет себе кофемолку, потому что я всё равно пью растворимый на работе. Мне достаётся электрический чайник, хотя он покупался на её премию. Кровать остаётся в квартире. Книги мы разделим по коробкам: мои рабочие издания она не трогала, её медицинские атласы я дважды ставил на шкаф без спроса. Совместные альбомы она забирает, а я могу получить копии фотографий.

— Не надо копий, — говорю я.

— Хорошо.

Она не уговаривает. Это решение становится моим сразу, без отложенного права передумать.

Пакет с материнскими вещами она не включала в список. Отдельно спрашивает, что делать с посудой Нины Павловны, которую она забрала из больницы и ещё не отдала мне.

— Чашка у меня, — говорю я. — Остальное в коробках.

— Я про синий контейнер. Там её ложка и крышка от термоса.

— Привезёшь?

— Могу оставить у сестры, если тебе тяжело сейчас.

— Зачем у сестры?

— Потому что не всё надо решать сегодня.

Я слышу в этом жалость и раздражаюсь. Потом вижу, что она просто предлагает место хранения. Её забота не обязана быть ни приглашением вернуться, ни знаком превосходства.

— Оставь пока у себя, — говорю я.

Она вписывает контейнер отдельной строкой: «у Алисы, не выбрасывать». Подписываем список оба. Это не юридический документ, но после подписи мне легче: у распада появляется формат А4.

В 20:30 телефон напоминает о встрече с Романом. До девяти остаётся полчаса. Я показываю напоминание Алисе.

— Если тебе надо, иди.

— Нам осталось аренду.

— Это пять минут.

Но пять минут мы тратим на то, чтобы решить, кто позвонит хозяину. Алиса предлагает остаться самой и позвонить позже. Я настаиваю на своём звонке, потому что студия моя. Хозяин квартиры на Ленина долго не понимает, почему уезжаю именно я, если договор на Алису. Она забирает трубку и объясняет ему сама.

Потом я звоню по объявлению о студии в Новом городе. Женщина говорит, что свободна с двадцатого. Просит перевести бронь и не торговаться: предыдущий жилец съехал, оставив крючки на всех дверях.

— Сниму, — говорю я.

Алиса качает головой, но молчит.

Я перевожу восемнадцать тысяч с дебетовой карты. Хозяйка подтверждает, что бронь пойдёт в счёт первого месяца и при отказе не вернётся. После операции на счету остаётся меньше, чем нужно агентству. На экране появляется подтверждение.

Алиса складывает договор аренды.

— Ты мог остаться до конца месяца.

— И смотреть на твою сторону кровати?

— Мог бы лечь на диван. Неделю. Это не так красиво, зато дешевле.

Я убираю телефон.

— Я не могу там.

Она кивает. Не уговаривает и не доказывает, что её вариант был разумнее.

В 21:05 Роман звонит. Я сбрасываю и пишу: «Заканчиваю разговор, постараюсь подойти». Ответ приходит короткий: «Если не получится, просто предупреди. Пришлю шаблон письма».

Я обещаю себе выйти через десять минут. Через десять минут Алиса достаёт ключи от материнской квартиры. Один ключ она оставила себе на время разбора вещей, потому что обещала Нине Павловне поливать цветы.

— Я схожу завтра, — говорит она. — Потом отдам.

— Я сам могу.

— Могу я. Мне не чуждо.

Я не спорю. Мать разрешала ей приходить без меня. У Алисы был свой доступ к её жизни, и после смерти он не превращается автоматически в мою собственность.

Она собирает документы, но остаётся сидеть.

— Про твою мать надо сказать.

Я сразу смотрю на её телефон, будто там может быть запись.

— Ты видела её перед больницей?

— Накануне госпитализации. Я привезла ей лекарства и суп. Она сама попросила не звать тебя из офиса, потому что у тебя была сдача.

— Она мне не говорила, что ты приезжала.

— Мы виделись и без тебя. Иногда она звонила мне, когда не хотела тебя тревожить. Иногда я сама. Ничего тайного тут не было.

В палате я нашёл номер Алисы и решил, что мать оставила его на случай, если я не отвечу. Оказывается, у них был свой разговор, в котором меня не было не потому, что я опять опоздал. Они просто хотели видеть друг друга.

— Что она сказала?

Алиса трогает край конверта.

— Я предложила привезти тебя, если госпитализация затянется. Она сказала: «Не тащи его силой. Приедет — поговорим. Не приедет — я сама ему потом скажу, что об этом думаю».

— Она шутила?

— Немного. Потом разозлилась, что суп остыл, пока я искала крышку. Сказала, я у тебя научилась всё откладывать на две минуты.

Это так похоже на мать, что я почти улыбаюсь. Почти.

— Значит, она не ждала?

— Ждала. Спрашивала, приедешь ли. Потом спорила с соседкой по подъезду и собиралась домой чинить кран. Я не знаю, как всё это сложить для тебя в один ответ.

— А ты могла мне позвонить.

— Могла. Я послушалась её. Может, зря. Я сейчас не знаю.

Она впервые за этот разговор прячет руки под стол. Я понимаю, что ей тоже пришлось узнать о смерти по звонку и приехать не к живой Нине Павловне, а к её вещам.

. . .

На улице ветер с Венца срывает с меня шарф. Не серый, который Алиса вернула, а другой, материнский. Я ловлю его у столба. Пока наматываю на шею, Максим выходит из машины у противоположного края пешеходного перехода.

Я узнаю его по фотографии, которую Алиса однажды показывала в рабочем чате: мужчина в серой куртке меняет лампу над аппаратом. Теперь на нём та же куртка или просто похожая. Он держит бумажный стакан и смотрит на дверь кофейни.

Алиса выходит через минуту. Он не обнимает её сразу. Сначала спрашивает что-то. Она кивает, берёт стакан, и только потом он помогает ей с пакетом документов.

Я могу перейти дорогу. Могу поздороваться, задать вопрос, потребовать разговора мужчина с мужчиной. Во всех этих движениях я заранее вижу себя со стороны: человек у кофейни, бывший муж, том в пакете. Остаюсь на месте.

Максим открывает Алисе дверь. Она садится, но перед этим смотрит через улицу. Мы видим друг друга. Она не машет рукой. Машина уезжает в сторону моста.

В 21:52 я сажусь на скамейку и достаю блокнот. Слово «Франческа» уже написано на верхней строке левой страницы. Я зачёркиваю его одной линией. Чернила проступают на оборот. Потом пишу то же слово ниже, сильнее нажимая на ручку.

На телефоне сообщение Романа: «Я закончил и ухожу. Две подходящие ссылки пришлю. Если пришлёшь письмо завтра до двенадцати, посмотрю».

Я набираю «Не смог» и стираю. Отправляю: «Я не пришёл и не предупредил. Извини. Ссылки пришли, пожалуйста».

Он отвечает не сразу: «Пришлю».

Ветер переворачивает страницу блокнота. На чистом листе я записываю последние слова Алисы о матери. Не второе марта, не список вещей.

«Не тащи его силой».

Мать знала, что может меня не дождаться. У неё даже был план сказать мне об этом потом. Просто потом не наступило.

Глава 8. Дождь в студии

20–21 апреля 2024; Новый город

Лариса Вадимовна открывает дверь студии ровно в одиннадцать и первым делом снимает обувь.

— Не потому что у меня чисто, — предупреждает она. — Потому что я по ламинату сразу вижу, где вы будете ходить.

Она проходит босиком к окну. За окном логистический двор, два контейнера и детская площадка между домами. Дождь идёт не сплошной стеной, а отдельными наклонными полосами. Каждая исчезает, прежде чем достигает земли. Потом ветер меняется, и капли всё-таки попадают в стекло.

Студия меньше, чем выглядела на фотографиях. Диван разложен, и в таком виде до стола можно добраться только боком. Хозяйка складывает его одним движением.

— Ночью будете разбирать. Днём не надо превращать квартиру в палату.

Она показывает счётчики, вентиль под раковиной, запасной ключ на магните внутри шкафа. Крючки на дверях остались от прежнего жильца. Их семь. Я спрашиваю, можно ли снять.

— Можно. Только не отдирайте с краской. Восемнадцать тысяч, что вы перевели, идут за первый месяц, до девятнадцатого мая. Дальше двадцатого числа. Коммунальные по счётчику, интернет включён, но роутер мой. Если уедете раньше, предупреждаете за месяц.

Она записывает показания на обороте моего объявления. Её почерк крупный, цифры похожи на буквы. В телефоне она подписывает меня «Артём студия», а себя в моём телефоне просит записать полностью: «Лариса Вадимовна, хозяйка». Никаких «Лариса квартира».

— Люди потом не могут понять, кому должны, — объясняет она.

Мои коробки остаются у двери. Две с книгами, одна с одеждой, одна с вещами из материнской кухни. Алиса помогла вызвать машину, но не поехала со мной. Водитель довёз коробки до подъезда и сгрузил их под навес. Поднимать на седьмой этаж я начал сам.

Лариса Вадимовна осматривает плиту, когда в дверь стучат.

На лестничной площадке стоит мужчина в домашних штанах и флисовой кофте. Под мышкой у него моя верхняя коробка. На ней написано «Данте, комментарии, не кантовать». Он держит её так, будто надпись не имеет силы.

— Ваша? Вы её у лифта оставили. Я чуть не пнул.

— Моя. Спасибо.

Он заносит коробку внутрь и ставит на пол, а не на диван.

— Геннадий, — представляется он. — Сверху, пятьдесят шестая. У вас сорок шестая?

— Да.

— Значит, если сверху шумит, это не всегда я. Ещё соседи справа есть. Они тихие только по документам.

Лариса Вадимовна здоровается с ним. Оказывается, он менял ей замок до моего заезда. Она предлагает чай, но Геннадий отказывается: дома размораживается холодильник, вода уже дошла до второго ящика.

Я достаю кошелёк и предлагаю ему деньги за подъём.

Он смотрит не на купюру, а на меня.

— За что?

— Коробка тяжёлая.

— Я её не из Владивостока принёс. Из лифта.

— Всё равно.

— Уберите. Купите нормальный коврик, а то вы мокрые следы уже до кровати протянули.

Он уходит. Лариса Вадимовна провожает его взглядом.

— Не обижайтесь. Он помогает и потом всегда грубит. Через день привыкнете.

— Я не обиделся.

— Вот и хорошо. А деньги людям за каждую коробку не предлагайте. Вас же потом запомнят не так.

После её ухода я разбираю сначала кухонную коробку. Из материнской квартиры я взял гречку, две банки горошка, соль, сковороду с короткой ручкой, контейнер замороженного супа. На крышке её наклейка: «Тёме, разогреть, не варить полчаса». Буквы размыты от мороза.

Суп я убираю в морозильную камеру. Больше там ничего нет. Контейнер выглядит как оставленная кем-то вещь, которую ещё придётся возвращать.

Книги расставляю по размеру, потому что на узкой полке по алфавиту не помещаются. Данте из пакета Алисы ставлю отдельно. Вмятина от монитора не исчезает. Я кладу книгу под стопку комментариев, чтобы выпрямить обложку, и тут же вынимаю: теперь она нужна мне рядом с блокнотом.

К вечеру дождь усиливается. В трубах за стеной начинается глухое движение. Сначала вода, потом стук, потом длинный звук, похожий на вдох через сжатые зубы. Я открываю кран. Вода идёт рыжая две секунды, затем прозрачная. Стук не прекращается.

Я ложусь на неразложенный диван. В телефоне четыре непрочитанных сообщения: от Кирилла, от Романа, от хозяйки, от Алисы. Сначала открываю Алису.

«Синий контейнер у меня. Завтра полью цветы. По документам напишу».

Отвечать нечего. Я ставлю лайк, потом убираю его: реакция выглядит как оценка её сообщения.

Роман прислал две вакансии и шаблон сопроводительного письма. Одна — редактор образовательных текстов, другая — помощник в проектном архиве. Я сохраняю обе. Откладывать ответ до утра нельзя: я уже пропустил встречу. Пишу ему благодарность и обещаю отправить письмо завтра.

Кирилл присылает файл с пометкой «если не спишь». Он знает, что я переехал, и добавляет смайлик коробки. Я открываю документ, закрываю, снова открываю.

В 23:40 я понимаю, что не ел. На кухне есть суп. Нужно достать контейнер, снять крышку, переложить в кастрюлю. Кастрюли я не взял. Можно разогреть в микроволновке, но контейнер материнский, и я не уверен, что его крышка выдержит.

Я заказываю плов, лепёшку и чай. Приложение предлагает добавить второй набор приборов. Я снимаю галочку. Номер заказа — 666. На экране он существует одну строку, под адресом и временем. Я фотографирую его, прежде чем понимаю, зачем.

Потом удаляю фотографию.

. . .

Курьер приезжает в 00:27. Он мокрый до колен, хотя подъездный навес начинается прямо у дороги. На его термокоробе белеет поролоновая заплатка.

— Сорок шестая? — переспрашивает он.

Я подтверждаю. Он отдаёт тёплый пакет, но второй, с холодной бутылкой воды и контейнерами, держит у себя.

— Тут ещё заказ на ваш номер, только квартира пятьдесят шесть. Вам его передать или соседям отнести?

— Я его не заказывал.

Курьер отходит к окну на площадке, звонит диспетчеру. В пустом подъезде слышно, как он повторяет оба адреса и номер моего телефона. Диспетчер находит второй заказ, оформленный в 00:13, и просит не везти его обратно: еда предоплачена, контакт совпадает, а разница всего один этаж.

Я смотрю на часы. В 00:13 я сидел на диване с телефоном и, кажется, только проверял время доставки.

— Оставьте у меня, — говорю я. — Поднимусь к соседу.

Курьер просит отметить в его приложении, что оба пакета вручены. Я подписываюсь на его экране нечитаемой росчерком. Он уходит, а я остаюсь на площадке с двумя ужинами.

Дома открываю историю приложения. Первый заказ оформлен в 23:41. Второй действительно числится за моим телефоном в 00:13. В деталях адрес квартиры 56, комментарий «не звонить, ребёнок спит», сумма 840. Списана моя сохранённая карта.

Выше по экрану я нахожу входящий звонок в 00:09. Незнакомый номер, разговор четыре минуты. Я не помню ни звонка, ни того, что отвечал.

Звоню в поддержку. Оператор долго уточняет, хочу ли я отменить доставку, которая уже вручена. Потом находит оба заказа и говорит, что второй оформлен с того же устройства через сохранённую карту. По её журналу выходит мой телефон, мой вход, ручное подтверждение.

— Я его не заказывал.

— Понимаю. Но подтверждение зафиксировано. Могу зарегистрировать обращение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.